

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений
ЩЕПЕТНОВ

НЕД. ПУТЬ
НАЙДЕНЬИША

Нед

Евгений Щепетнов

Путь Найденыша

«ЭКСМО»

2014

Щепетнов Е. В.

Путь Найденыша / Е. В. Щепетнов — «Эксмо», 2014 — (Нед)

ISBN 978-5-699-68571-4

Маленький человечек, ребенок на берегу бушующего моря. Что его ждет? Какая судьба? Какой дорогой он пойдет по миру? Нед был найденышем. И не просто найденышем, а отпрыском проклятого народа ардов. Пропавшие корабли и разграбленные деревни – вот что такое арды для жителей побережья. Отныне судьба Неда – до конца своих дней оставаться рабом. Другое дело, что он себе такой судьбы не желает. А ждет его странная, невероятная жизнь, путь, который ведет к приключениям, иногда забавным, иногда страшным. Боль, унижения, побои злых людей, рабство – казалось, это будет вечно, нескончаемо. Но нет – он сбросит оковы и пойдет вперед, туда, где его ждут радость и счастье, горечь потери и обретение могущества, утраченного в веках... Магия, поединки чести, любовь, дружба и предательство – вот что получит Нед. Пожелаем ему удачи, ведь она так пригодится Неду, Найденышу, которому Судьба так много задолжала за семнадцать лет его жизни.

ISBN 978-5-699-68571-4

© Щепетнов Е. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Евгений Щепетнов

Нед. Путь Найденыша

Глава первая

– Опять ты тут ходишь! Мерзкий ублюдок! – Камень мелькнул в воздухе и ударил Неда в лопатку. Больно, обидно, но самое главное – он из-за этого споткнулся и выронил в вонючую лужу, оставленную коровой, весь свой обед. Он же ужин. Он же завтрак. Он же... в общем, всю еду, которую ему дали на весь день – краюху хлеба, луковицу, пару крутых яиц и щепотку соли. Узелок, сделанный из куска старого полотна, намок и пропитался коричневой жидкостью.

«Все – о хлебе можно забыть! – с горечью подумал Нед. – Хоть вареные яйца остались целы, и то ладно!» И тут же чуть не застонал от разочарования – нога в изящном сапожке наступила на узелок, раздавив его в лепешку.

«И ведь не пожалела новых сапог!» – подумал Нед, поднимая глаза на улыбающееся лицо Салли. И, как это бывало частенько, его дыхание прервалось, когда он глянул в это прекрасное лицо, обрамленное золотистыми локонами. Салли была прекрасна. Так прекрасна, что он не мог при ней нормально говорить, заикался и краснел, делаясь совершеннейшим идиотом.

Она засмеялась мелодичным смехом, похожим на звон колокольчиков, и насмешливо спросила:

– Чего там у тебя было, Найденыш? Сокровища? Или отравы, которую ты решил подсыпать нашим коровам?

– Это был мой обед, – с горечью заметил он, – и теперь я весь день буду голодным.

– Ой-ой, – насмешливо протянула девушка и, зло прищурившись, сказала: – Тебя вообще кормить не надо! Негодная тварь!

– Чем я тебе не угодил? – стараясь говорить спокойно, ответил Нед, краем глаза следя за группой из пяти парней, обходящих его сбоку.

– Ты?! Ты... ты... ты мерзкий отпрыск ардов! Вы убили моего брата! Вы грабили, вы убивали! Твари! Ненавистные твари! – Девушка задыхнулась от ненависти и с размаху ударила Неда по лицу. Он лишь прикрыл глаза, а когда открыл – парни были уже слишком близко.

Первый удар пришелся в ухо, отчего оно зазвенело и оглохло. Второй – в глаз, так, что посыпались искры и появились цветные круги.

Нед не сопротивлялся. Для своих лет парень был довольно крупным и рослым, но в нем постоянно сидело осознание своей никчемности, вбиваемое в голову с самого детства. Его «семья» – те люди, что приняли к себе и выкормили Найденыша, – все время твердила, что он должен искупать вину своих предков, что он ничтожный, никудышный, пригодный лишь для того, чтобы пасти коров и делать грязную работу. Тупой увалень!

Он не был тупым. Но скажите на милость – кто будет сильно развитым, если до сих пор его никто и ничему не учил – кроме того, как надо заниматься делами по хозяйству. И этому бы не учили, но ведь иначе он не сможет выполнять свою грязную работу.

Эти семнадцать лет жизни были бы адом для любого, кто знал иную жизнь. Нед – не знал другой жизни. Клетушка в сарае, где он жил, рядом со скотом, подъем на рассвете, работа по дому – принести воду, подоить коз, коров. А когда подрос – стал пасти общественное стадо. Его семья получала за то деньги, он же работал за еду и за то, чтобы не получить трепки – в очередной раз.

Нет – так-то подзатыльники он получал постоянно, но это разве трепка? Трепка – это тогда, когда ты не можешь сесть и лечь от боли в иссеченном ремнем теле. Приемный отец не любил его. Своих детей у них не было – боги не дали, и пришлось «воспитывать» чужого,

да еще кого! Арда. Пирата, грабителя, ублюдка ненавистного племени, которое долгое время держало в страхе все побережье.

Семнадцать лет назад корабль ардов разбился о скалы возле деревни Черный Овраг. Вся команда этого корабля погибла, исхлестанная жестокими волнами об острые рифы, и лишь каким-то чудом выжил ребенок, младенец, которого волны выбросили на каменистый берег.

Наутро после катастрофы жители деревни собрались на берегу, чтобы посмотреть, что случилось с кораблем, и поживиться остатками его груза, не сожранного прожорливым морем, вот тогда кто-то и нашел младенца, тарасившего голубые глаза на мир. Он не плакал, а лишь издавал тихие звуки, будто бурча под нос что-то на неизвестном языке.

Нед вообще никогда не плакал. Даже если «отец» сек его сыромятным ремнем, оставляя на теле красные полосы с выступившими капельками крови. Не плакал и тогда, когда местная детвора залавливала его и была смертным боем.

Дети – это маленькие зверьки, которые, вступая в жизнь, завоевывают свое место под солнцем, как все звери – зубами и клыками. И если на их пути попадет существо слабее их – обязательно самоутвердятся, вытерев об него ноги. Вот и вытирали. Благо что помех к этому не было. Если Нед пытался сопротивляться, родители побитых детей шли к его отцу и жаловались, после чего Нед неделю не мог сесть на исхлестанный зад. Ведь он не имеет права наносить вред детям племени сансов, того народа, который его соплеменники грабили на протяжении многих веков.

Иногда, забравшись в свой закуток и лежа в кромешной темноте, Нед слушал перестук коровьих копыт и мечтал, что когда-то приплывет корабль с ардами, его соплеменниками, и заберет его отсюда, увезет далеко за море, туда, где у него всегда будет кусок хлеба и никто не будет поднимать его на рассвете пинком в ребро. Его разумения хватало, чтобы понять – это все фантазии. Это все чушь. Ненастоящее. Настоящее – вот оно: подстилка, собака, прижавшаяся к нему и пахнущая мокрой теплой псиной. Единственное существо, которое его любило. Если не считать коров, конечно. И старого раба Силана.

Нед рос. Из маленького человечка вымахал здоровенный детина ростом под два санта, и чем больше он становился, тем больше не любили его жители деревни.

Казалось бы – ну что он им сделал? При чем тут арды и маленький человек, чудом спасшийся из штормовых волн? Но ведь сын волка – сам волк. Вырастет – будет резать, бить, убивать! А не пора ли его прибить, пока он не забрался к кому-нибудь в дом и не изнасиловал дочь, не убил жену, не сжег дом – арды ведь все такие – бандиты, грабители, пираты. И этот будет грабителем.

Если бы не то обстоятельство, что его «отцу» был нужен работник, Неда, возможно, давно бы прибили. Впрочем, когда он стал пасти общественное стадо, голоса, требовавшие его смерти, приутихли – кому охота целыми днями блуждать по холмам, следя за непокорным стадом, под дождем и ветром, без отдыха и праздничных дней.

Не успокоились только дети, ставшие из детей подростками, а затем парнями и девушками, но не изменившие своему правилу – травить этого придурка Найденыша, который так весело улепетывает наутек, не пытаясь дать сдачи. И это были не только дети свободных – Неду доставалось от детей рабов – даже они были выше его на социальной лестнице.

Почему они были такими злыми? Кто знает... Возможно, в их крови на генетическом уровне было заложено: ард – враг! Убить арда! Ард – опасность, смерть, страх!

Собака, которая никогда не видела волка, даже охотничья собака – стоит провести перед ней черту волчьей лапой, и пес никогда ее не переступит. Он подожмет хвост, заскулит и бросится под ноги хозяину. А чем люди отличаются от животных? Иногда кажется – ничем.

Нед увернулся от следующего удара кулаком, чтобы встретиться с коленом противника – парень разбил ему скулу, и теперь физиономия Неда будет выглядеть еще более разбойничьей, чем раньше. Он броском выскочил из окружения, перекатился через голову и со всех ног при-

пустил бежать под улюлюканье молодежи. Кто-то запустил ему вслед камнем, кто-то, заложив в рот пальцы, громко свистел, но теперь достать его не могли – бегал Нед быстро, это знали все.

Нарда бежала рядом, радуясь – глупенькая собака думала, что это такая игра. Люди толкаются, ворочаются, а потом бегут – чем не развлечение?

Стадо уже поднималось на вершину холма, сбивая утреннюю росу. Нед догнал отставшую корову, громко крикнул, добавив пару выражений, которые слышал от «отца», – коровы почему-то лучше управлялись, если на них орали матом. Это он заметил уже давно. Нарда залаяла, отчего корова прибавила шагу, покосившись глазом на злостную собаку, изображавшую, что сейчас покусает ленивую коровяку за задние ноги, взбрыкнула, норовя попасть по шумливой псине, и затрусил к основному стаду, управляемому здоровенным быком по имени Хурк.

Нед пошел следом, с грустью думая о том, что питаться сегодня ему придется тем, что надоит с непослушных коров. Так это было наказуемо – коровы-то не его, какое право он имеет сосать их молоко? Но попробуй проследи, когда он в холмах.

А есть хотелось ужасно. Его растущий организм требовал питания, так требовал, что иногда хотелось завывать, будто волку. Нед был худым, жилистым, как старый вяз. Его недетское тело, привыкшее к лишениям и тяжелому труду, сильное, растущее, требовало пищи, как росток, изнывающий от жажды в засушливый сезон. Увы, побаловать тело было нечем.

Нед вздохнул и решил, что, пока Нарда придержит коров, не давая им разбегаться, он сплавает в море под мысом Надежды. Там ракушки – замечательное вкусное мясо. Жаль, что нет соли, но ничего – кресало есть, руки есть, сухой мох найдет, котелок припрятан под сухим дубом, веток наломает – эх и натрескается горячего ракушечьего мяса!

У Неда рот наполнился слюной, и он сплюнул ее на землю, в пыль, отметив для себя, что слюна окрасилась розовым. Разбили губы, твари. Так хочется дать сдачи, но что потом? А потом... потом некуда идти. А после того, как он даст трепку этим негодьям, ему придется не только идти, а бежать куда глаза глядят. Впрочем, когда-то это все равно случится...

Перед глазами Неда встало прекрасное, как выточенное из белого камня, лицо Салли. Последний год, когда он стал взрослеть (а особенно когда наедался от пуза ракушек, выделявших восхитительный белый сок!), Салли снилась ему каждый раз, как он засыпал. Красивая, желанная... и недоступная. Дочь старосты – и он, безродный найденыш, ниже низшего, ниже даже рабов, которые вполне хорошо чувствовали себя в своих ошейниках и жили в доме, в отличие от него, презренного арда. Какие у него шансы иметь эту женщину? Даже смешно подумать...

Иногда он мечтал о том, что однажды пристанет к берегу корабль, с него спустятся люди в блестящей стали, с острыми мечами в руках, и крикнут: «Нед! Нед, где ты! Мы за тобой приплыли! Мы твоя родня! Скорее к нам, скорее!» – И он побежит к ним, уткнется носом в броню, обняв за широкие, могучие плечи. А они спросят: «Кто тебя здесь обижал?!» И тогда... тогда будет плохо. Плохо всем, кто его бил, преследовал, унижал. И уплывет Нет на корабле с полосатыми парусами, оставив за спиной горящую деревню, которую ненавидел всей своей душой. А рядом будет стоять Салли, плачущая, желанная. И потом... потом он подомнет ее, и она поймет, что лучше Неда нет никого на свете, и полюбит его.

Он как-то поделился своими фантазиями со старым рабом Сираном, тот долго смеялся, а потом погрузился и сказал:

– Никому больше не рассказывай это. Доложат хозяину, он решит, что ты хочешь бежать... и тебя изуродуют, чтобы ты с трудом мог ходить, а уж о побеге и не думал. Перебьют тебе ноги, и будешь уродом. Я тоже когда-то думал, что все в конце концов закончится хорошо, и где я сейчас? Там же, где и пятьдесят лет назад. Оставь фантазии и живи настоящим. Тебе достался не лучший хозяин, да. Но что поделать? Возможно, это наказание за твоих предков, принесших этому народу много горя и страданий. Многими поколениями здесь возвращали

ненависть к твоему народу. Арды – демоны, арды – это бич богов. Как только приходит весна и начинают дуть ветры с моря – жди налетов ардов. Пропавшие корабли, разграбленные деревни – вот что такое арды. И вот теперь – в руки попался их отпрыск. И ты теперь искупаешь вину предков. Увы, жизнь часто несправедлива. Меня тоже когда-то похитили рабовладельцы, привезли на рынок в столицу, продали, и вот я здесь. Ни семьи, ни детей. Заслужил ли я это? Я думаю – нет. Но боги думают по-другому.

– И ты никогда не думал о том, чтобы бежать? – недоверчиво спрашивал Нед.

– Куда бежать? – с грустью отвечал старый раб. – Посмотри, я разве могу смешаться с толпой местных? Даже ты, если тебя постричь, побрить, можешь сойти за местного, а я? Посмотри на меня! То-то же... – И Силан отворачивал от Неда свое смуглое, почти коричневое лицо. Его когда-то привезли с соседнего, южного континента, и он резко отличался от русоволосых и рыжих местных жителей.

– Но ты бы мог идти по лесам, питаться дичью, попробовать наняться на корабль – ты же сам говорил, что им всегда требуются матросы! – не отставал Нед.

– Я дважды бежал, – грустно отвечал Силан. – Меня сильно били и в конце концов выбили желание бежать. Последний раз меня избили так сильно, что я месяц не мог подняться. После этого во мне что-то умерло. Да что говорить... Тут я в общем-то сыт, у меня под началом другие рабы, крыша над головой, хозяин, можно сказать, меня уважает – как уважают хорошую собаку, приносящую пользу. Что мне еще желать? Женщину? Были у меня женщины. Детей только не было. Видимо, отбили мне все... не может от меня быть детей. Но и к лучшему – видеть, как твоих детей продают другим хозяевам или избивают, а ты не можешь вмешаться? Это страшно. До десяти лет я жил свободным и успел узнать, какова она, свобода. Везде есть свои плюсы и минусы – на свободе я не всегда ел досыта. А здесь – я сыт, обут, одет. Да, я не всегда могу делать то, что хочу – но разве на свободе я всегда делал то, что хочу? Не понимаешь? Да где тебе понять... ты с младенчества в рабах. А я помню детство. Отец охотился, мать по хозяйству. Я сдуру убежал к берегу моря, вот и попался на глаза команде, набиравшей воду в бочки. Поманили... и вот я уже на корабле. Радовался, глупый... Ладно, хватит. Ни к чему тебе это. Иди к себе, спи. А то хозяин рассердится, побьет. Не любит он тебя. Слишком ты напоминаешь ему тех, кто убил его отца, прямо у него на глазах. Тогда арды сделали налет на деревню, отец его защищал семью... Мать изнасиловали – прямо над ним, он сидел под кроватью и слушал, как она кричит. Так чего ему тебя любить? Иногда я думаю, что он нарочно взял тебя, чтобы мстить за убитого отца. Как будто надеется, что ты сын того, кто раскроил череп отца тяжелым мечом.

– Расскажи, Силан, кто такие арды? Почему их так ненавидят? И вообще – как устроен мир?

– О-о-о-о... сынок. – Силан рассмеялся, чуть не потушив сальную свечу, коптящую на столе. – Ты хочешь знать то, чего не знает никто на свете!

Лицо Силана, покрытое мелкими шрамами, сморщилось в улыбку, потом он сплюнул сквозь редкие зубы в помойное ведро, заложил за щеку жевательной смеси и со смешком сказал:

– Никто не знает, как устроен мир. Никто. Я понимаю, что ты хотел спросить. Просто стало смешно – как устроен мир! Ладно, слушай... хотя я и не знаю, как тебе это пригодится. Мы живем в королевстве Замар, где правит сейчас король Иунакор. Это Срединный материк. Есть Южный, а есть Северный. А это Срединный. Ну и полно всяких островов. Когда бог-созидатель кидал камни, из которых образовалась твердь, часть раскололась, и из них образовались острова. Сколько их – никто не знает. А потом появились люди, после того как бог создал их из кусков плоти. Другие боги были против сотворения людей, но он их не послушал и сделал пралюдей. От них и пошел весь человеческий род. Только вот раскидал он их по разным материкам и каждому племени дал свой язык, от которого пошли другие языки... а потом

все перемешалось, получились новые языки... и как это случилось – никто не знает. Видно, демоны все перемешали. Так вот, арды, твои родичи, живут на Северном материке. Приходят к нам они весной, поздней весной, когда у них тает лед. Там так холодно, что океан замерзает и становится твердым, как камень. Лед называется. Видел, на горизонте горы в белых шапках? Вот это и есть лед, он лежит на вершинах гор и не тает, потому что там очень холодно. Вот и у ардов очень холодно. Жить у них трудно, холодно, голодно, все покрыто снегом и льдом, потому они и стараются каждую весну приплыть к нам и отнять то, что мы создавали. У нас тепло, снега нет, а потому – все растет, все плодится, у нас тучные стада и хорошие поля, если только нет засухи. Но засуха редко бывает – все-таки море рядом, дожди не редкость. И жили бы безбедно, если бы не арды. Огромные, сильные, закованные в стальную броню, они приходят поздней весной и берут то, что хотят. Кроме захваченных ценностей они увозят и рабов. Берут обычно молодых, сильных и красивых юношей и девушек. Девушек, само собой, в наложницы. Юношей – в работники. Остальных, если сопротивляются, убивают. Если не сопротивляются... тоже иногда убивают. Иногда нет. Как захочется. А еще – они грабят в море купеческие суда. Каждый, кто уходит в море, должен осознавать, что можно и не вернуться. Даже если ты простой рыбак.

– А расскажи о нашем королевстве! Это хорошее королевство? А еще такие есть? Почему король не побьет ардов, если они сюда приходят грабить?

– Экий ты нетерпеливый, – усмехнулся Силан, – шел бы ты к себе, а? А то ведь проспичь утром, хозяин изобьет. Время уже позднее – видишь, красная луна уже высоко? И черная луна уже показалась, вон, край торчит! А мы все с тобой болтаем!

– Пожалуйста, Силан, мне так интересно! Ну расскажи, а? Расскажи!

– Ладно. Но недолго. А то потом спину тебе мазать мазью... хозяин так и ждет, чтобы тебя выпороть. Иэх-х-х... судьба горемычная. Другие живут в хоромах, а ты... Ладно. Слушай дальше. Итак – наше королевство. Оно занимает треть Срединного материка и граничит с королевством Исфир, где королем сейчас Шолокар Третий, а за Исфиром – королевство Харад, где король Эссон. Говорят, что раньше эти все королевства были одним королевством, но три брата-принца передрались и разорвали королевство Замар на три части. А их потомки так теперь и правят. Я не знаю, как звали этих братьев, так что можешь и не спрашивать. Впрочем – не наплевать ли нам, как их звали? Главное – что сейчас, а не что в далеком седом прошлом. Замар протянулся на долгие ли, и мы находимся в полутора тысячах ли от столицы Замара – Генела. Чтобы представить, как это далеко – если ехать на лошади верхом, проезжая в день пятьдесят ли, то ты прибудешь в столицу через тридцать дней! Но пятьдесят ли в день это еще много. Обычно тридцать-сорок ли, так что путешествие займет очень много времени. На корабле – быстрее. Но надо все равно ехать тридцать ли до соседнего города, где есть порт – это Шусард, – там оплатить место на судне, если в это время есть судно, идущее в столицу, и потом уже плыть на нем. И стоит это очень недешево.

– А Шусард большой город?

– Хм-м... побольше нашей деревни будет, это точно. Много людей живут. Там порт, через который купцы везут свои товары на наши земли. Там они выгружаются, покупают лошадей или быков и потом развозят товары по деревням, городкам и селам. Наверное, большой город. Чтобы сравнить – надо знать точнее. А что я знаю? Ничего. Что нахватался за пятьдесят лет своей жизни, вот то и рассказываю. В Шусарде служат и многие люди из нашего села – дети, отцы. Некоторые исчезли в море вместе с кораблями – это тоже приписывают ардам. Может, и вправду арды убили, а может, поглотило жадное море – кто знает? Мне кажется, тем же ардам приписывают больше, чем они делают на самом деле.

– А при тебе убили отца хозяина?

– Нет. Меня еще тут не было. Да и набегов не было уже пятьдесят лет, с тех пор как отец нынешнего короля послал большую армию вторжения на Северный материк. Тогда ардам

крепко досталось, и они вроде как заключили договор о ненападении с Исфиром. С тех пор те на побережье не высаживаются. А вот что делают в море – тут уже никто не знает. Говорю же – все исчезновения судов приписывают ардам. Сбил ты меня с мысли, я уже и запутался – забыл, что и говорю! В общем, так вот: арды – зло. Значит, и ты зло. И еще какое – спать иди! И сам не спишь, и мне не даешь!

– Ну немножко еще, пожалуйста! Расскажи про богов! Откуда что взялось?

– Опять? Я же тебе сказал, что никто не знает, откуда все взялось. А богов, основных богов – восемь. Бог-создатель Динас, богиня-создательница Ауда – его жена, бог войны Куалтук, богиня любви Селера, ну и четыре бога стихий: воды – Прайон, воздуха – Шашан, земли – Гиной, огня – Жадар. И еще – мелкие божки, покровительствующие ремеслам. Им поклоняются те, кто состоит в ремесленных заратах; зарат сапожников поклоняется своему божку, купцов – другому и так далее. Их много, все равно не запомнишь. Да я и сам не помню всех. Те, кто хочет получить благословение богов, приносят подношения в храм того бога, к которому хочет обратиться. Моряки носят подношения Прайону, а еще – если они на купеческом судне – купеческому богу Гересу. Военные моряки – Прайону и Куалтуку. Ну и еще кому-нибудь, например богине любви – чтобы она дала им привлекательность и бабы на них вешались. Везде в городах есть храмы, и в каждом стоят статуи тех богов, которым поклоняются их почитатели. Храмы, что в соседних государствах, что в нашем, – одинаковые. По крайней мере, так говорят – я сам не видел. А вот на Северном и Южном материках – и боги другие, и храмы другие. По-моему, там вообще нет никаких храмов. А может, и есть – врать не буду. Все, спать! Иди к себе. Хозяин не любит, когда ты в доме остаешься. В прошлый раз мне так досталось из-за тебя, когда кто-то доложил, что ты ночевал в моей комнате. Орал – я чуть не оглох. А в довершение в ухо съездил. На-ка вот, пожуюсь перед сном. – Силан откуда-то достал кусок черствой лепешки с ломтиком мяса и отдал Неду. – Тебе надо много есть. Вон какие плечи отрастил, а мяса на них нет. Скелет, суший скелет! Беги отсюда!

* * *

Силан умер год назад. Попал под дождь, простудился и умер. Его закопали на кладбище, где хоронили рабов. Быстро. Без речей и поминок. Неда не позвали. Он уже после похорон прокрался на холмик, под которым лежал его единственный человеческий друг, и посидел возле него, прощаясь. Глаза жгло, но Нед не плакал. Не умел.

* * *

Нед взглянул на небо, прикинул – солнце уже высоко. Коровы деловито паслись на зеленом холме, окруженном пятнами колючего кустарника, и Нед решил:

– Нарда, стереги! Я пойду поныряю! Тебе тоже дам ракушек! Что, нажралась уже? Ах, негодная! А мне принести? Крысу поймала, да? Ладно, ладно... умница. Стереги.

Он повернулся и пошел к морю. Берег неподалеку от того места, где хотел нырнуть Нед, был довольно пологим, но в воде торчали огромные камни, на которых и нарастали отличные ракушки, самые крупные и вкусные в округе. Никто не знал о его «поле», и Нед уже года два собирал здесь великолепный урожай. Ракушки с пол-ладони, свежие, сытные – если бы не они... в общем, это были его закрома, которые питали парня круглый год.

Сбросив с себя одежду, он аккуратно уложил ее на камень подальше от воды – вдруг прилив, унесет к адовым демонам. Потом в чем ходить?

Полчаса Нед нырял в прозрачную, тихую воду, пока в подоле рубахи, в которой он решил нести ракушки, не образовалась внушительная куча раковин. Тогда, натянув штаны и разбитые сапоги, Нед побежал к тому месту, где прятал котелок, единственное его сокровище.

Это был медный котел, непонятно откуда взявшийся на берегу – видимо, выбросили штормовые волны. Котелок был помятым, но Нед выправил свое приобретение и теперь частенько пользовался им для своих кулинарных упражнений – пек в нем ракушки, варил похлебку из пойманных Нардой кроликов и птиц, кипятил травяной настой, хорошо утоляющий жажду в жаркое время суток. На котелке были выгравированы какие-то письмена, и Нед частенько рассматривал их, отчистив сажу песком, гадая – что же написали неизвестные мастера. Так и в этот раз – он выкопал котел из песка, возле сухого дуба, стоящего на берегу ручья, образующегося в лощине выше, меж холмов, уселся и стал внимательно разглядывать прихотливые иероглифы и картинки, искусно выгравированные на крутых боках сосуда. Человеческие фигурки, узнаваемые в прихотливых рисунках, какие-то точки, кругляшки, треугольнички – хаотично, бессистемно... но притягательно.

Понаблюдав за рисунками, Нед вздохнул и, вытряхнув из котелка песок, пошел к ручью – надо как следует отмыть, иначе потом на зубах будет скрипеть песок. Сполоснул в ледяной воде, набрал до половины, отнес назад, поставил на травку и стал сооружать костер. Ну – это дело несложное. Мелких сухих веточек, пересохшего мха, несколько ударов кресалом (подарок Силана), искры затлели во мху, подул... и вот радостный дымок ударил в ноздри – запах огня, запах еды, запах жизни.

Костер развел между двумя камнями, которые уже давно прикатил именно для этой цели. На них так удобно ставить котелок, несмотря на то что его дно было абсолютно круглым, как у половинки шара. Засыпал ракушки в сосуд доверху и поставил его на огонь. Теперь только дожидаться, когда закипит, посидеть немного рядом, чтобы ракушки сварились, а потом – можно набивать живот. Иногда он готовил ракушки без воды – просто помешивая в толсто-стенном котелке. Тогда те выделяют белый сок, который ему нравилось пить. Но после того, как Нед заметил действие сока – стал варить в воде. После сока ему ужасно хотелось Салли... нестерпимо, до боли. Силан объяснял это возбуждающим действием сока раковин, который лекари прописывали мужчинам, страдающим слабостью в постели. Ну и вообще всем, кто хотел выказать себя настоящим мужчиной. Нед не хотел выказывать себя таковым, потенции у него и без того хватало... а женщины не было. И вряд ли будет: у такого ничтожества, как он, какие женщины? Так что приходилось обходиться своими силами...

Наконец блюдо было готово, и Нед, вывалив ракушки на подстеленные широкие листья лопуха, чтобы остыли быстрее, принялся раздирать створки вожделенных амрий. Так назывались эти раковины, в которых иногда находили жемчуг.

Нед как-то нашел в ракушке здоровенную жемчужину, размером с его ноготь. Хозяин заметил, как тот рассматривал ее во дворе, отобрал у парня, долго расспрашивал, где тот взял драгоценную розовую каплю размером с ноготь мизинца, но... Нед сказал, что нашел ее на берегу возле деревни. После этого от него отстали, а он больше не стал таскать найденные жемчужины домой, складывая их в тряпочку и закапывая рядом с котлом.

Сейчас ни одна жемчужина ему не попала, на что он совершенно не обиделся. Его живот был полон сытным горячим мясом. И оставалось лишь запить съеденное, чтобы обед совсем удался. Для этого надо помыть котел, набрать воды и бросить туда пахучей травки со склона лощины. Горьковатый отвар отлично утолял жажду. К нему бы немного меда... или сахара... но сладости редко перепали Неду, а после смерти Силана он вообще забыл, что такое сахар. А может, потому у него и были великолепные белые зубы, способные, казалось, перекусить стальной нож? Его великолепным зубам втайне завидовали все те женщины, что видели его улыбку. Впрочем, улыбался он редко. Жизнь не та, чтобы улыбаться, хихикать и смеяться, как дети свободных.

– Эй, ты же вроде сытая? – Он ласково толкнул «улыбающуюся» Нарду, которая кинулась к приготовленной им кучке открытых раковин и с жадностью начала поглощать мякоть, хитро

поглядывая на своего друга. Ее зубы с треском крошили створки ракушек, выгрызая сладкую плоть.

Нед похлопал ее по холке, встал и снова пошел к ручью. Опустил котел в прозрачную воду и некоторое время смотрел, как от него тянутся мутные полосы, извивающиеся над песчаным дном. Из песка показалось какое-то насекомое, быстро зарывшееся назад, и снова наступили тишь и покой. Жужжали мухи, с ревом пролетел огромный навозный жук – весна, все расцветает. Сезон дождей ушел, с его лужами, грязью и сыростью. В такое время хочется жить, даже если ты жалкий найденыш, никому не нужный и гонимый.

Нед вздохнул и потер котел песком, зачерпнутым со дна. Если не отчистить как следует – отвар будет отдавать морем и мясом, потому оттирать надо до блеска. Руки – крупные, со вздувшимися венами и длинными, крепкими пальцами аккуратно трут драгоценный предмет, всегда блистающий на солнце, как новый.

Нед залюбовался – хорошо его поправил, выстучал дно и бока гладким булыжником. Ровный, круглый, как... как... шапка! Вот. Как шапка. Интересно, как он смотрелся бы на голове? Нед схватил свои длинные волосы, которые обычно отрезал кухонным ножом, отодвинул назад и аккуратно водрузил котелок на голову. Постучал по нему пальцем, услышав густой звон, и горделиво выпрямился:

– Я капитан ардов! Бойтесь, мерзавцы!

Солнце, вышедшее из-за тучки, ярко осветило парня в блестящем котелке, и вдруг этот котелок замерцал, издал пронзительный звук, как будто лопнула струна ирона, а Нед вскрикнул... и потерял сознание.

Сколько он пролежал на берегу – неизвестно. Очнулся от ощущения чего-то мокрого и холодного, упорно тычущегося в глаз, нос, в губы. Нед махнул рукой и угодил в мягкое, теплое, мохнатое...

– Нарда... ох, чего это со мной такое... бррр... ну хватит, хватит слюнявить! Да – любишь, любишь, знаю! – Нед усмехнулся, привстал и ласково погладил собаку по голове. Она преданно заглянула ему в глаза и сказала:

– Любовь... хозяин... хорошо! Хорошо! Пить! Пить!

Нарда отошла в сторону, и стала шумно лакать воду, а Нед удивленно посмотрел на нее:

– Ты это чего? Разговариваешь, что ли? Как это?

Нарда оглянулась, дважды махнула хвостом и деловито побежала вдоль ручья, приговаривая:

– Искать! Крыса! Играть, съесть. Хозяин, любовь!

Нед озадаченно проводил собаку взглядом и встал на колени, подобрав свой желтый блестящий котелок. Он, как в первый раз, посмотрел на его бока, покрытые мелкой-мелкой сеткой царапин, оставшейся от песка, которым Нед чистил котел, и, подняв, снова опустил себе на голову, затаив дыхание. И... ничего не произошло.

Постояв, Нед снял котел и понес закапывать под дуб. Пить отвар ему уже расхотелось, так что пришлось ограничиться ледяной водой из ручья. Впрочем – и костер давно потух, оставив после себя еле теплые сизые угольки. Нед опять удивился – сколько же он провалялся, если костер, который он оставил весело трещающим сучьями, давно потух? Глянул на солнце и с замиранием в сердце обнаружил, что оно уже склоняется к вечеру. Быстро закопал в песок котел, вскочил и с тяжелым сердцем бросился искать стадо. Если хоть одна корова пропадет – быть ему битым!

Нед понесся вверх по склону лощины и, выскочив на бугор, с облегчением обнаружил стадо, спокойно развалившееся на зеленой лужайке. Он стал пересчитывать коров, и у него все сошлось – сто пятьдесят три коровы и бык. Нед подобрал палку и пошел к стаду, испытывая искреннюю благодарность к Нарде – если бы не она, строптивые коровы точно бы разбежались,

особенно две телки старосты и корова кузнеца, отличающиеся особо мерзким, зловредным нравом. Подойдя к быку, Нед крикнул:

– Подымайся! Домой! Веди домой!

Бык тупо глянул на него выпуклыми глазами и сказал:

– Подыматься. Нет желания. Человек с палкой. Неудовольствие. Хочу самку. Самку хочу.

– Все хотят! – совершенно не осознавая своих слов, сказал Нед и вдруг хихикнул – так все это выглядело смешно. Он разговаривает с быком! Кому скажи – засмеют! Да кому он скажет? Силана нет, он в земле. А больше он ни с кем не общается. Только если по делу...

– Вставай, увалень! – крикнул Нед и представил, как сейчас врежет палкой по боку быка. Врезать не врезал, но яркая картинка вспыхнула у него в мозгу, он как будто сказал быку – сейчас не встанешь, с тобой будет вот что! Бык глухо заревел, вскочил на ноги и, мотнув головой, сказал:

– Не хочу боль. Не люблю человека. Человек с палкой – боль. Поддеть на рога!

– Я тебе сейчас поддену, скотина ты рогатая! – возмутился Нед. – Дождешься от тебя благодарности, рожа твоя тупая! Домой иди! Домой! Будешь есть, пить (картинка отрубей, засыпаемых в теплую воду).

Бык мыкнул и побрел к сторону дома, протяжно заревев. Коровы тихонько потянулись за ним, подгоняемые лаем вездесущей Нарды.

– Ага! – радостно засмеялся Нед. – Любишь отруби, тварина! Как же ты меня услышал-то, а? Вот чудо, так чудо... рассказать бы Силану... эх-х-х...

Отбросив лишние мысли, Нед погнал стадо к деревне – пока дотащатся, уже настанет вечер. Надо поторапливаться.

Нарда, как будто услышав его мысли, бросилась вперед и стала деловито подкусывать коров за ноги, подгоняя их, ускоряя движение. Стадо ускорило и, хватая на ходу траву, направилось к дому.

Глава вторая

Домой он попал уже к сумеркам. Жители деревни ждали коров у околицы и сразу погнали их домой – сытых, довольных, полных горячего жирного молока.

Нед отогнал трех коров их семьи в стойло, около которого уже ждали две молоденькие рабыни, недавно купленные хозяином на рынке в Шусарде, потом пошел к колодцу, набрал воды и с наслаждением вылил на раскаляющуюся от боли голову. Он не мог понять своего недомогания – то ли голову напек, то ли в ракушках был какой-то яд. Силан его иногда предупреждал, что такое может быть – мол, надо поосторожнее с незнакомыми раковинами. Так он и не ел незнакомые...

Хозяйка, женщина лет тридцати (третья по счету жена хозяина – предыдущие почему-то умерли), вечно испуганная, этакая серая мышка, позвала его ужинать вместе с другими рабами.

У Неда было странное социальное положение: вроде и не раб – ошейник-то он не носил, и продать его было трудно; официально он, вообще-то, приемный сын Бранка, хозяина поместья, но фактическое положение Неда было ниже, чем у рабов. И даже рабы постоянно ему об этом напоминали. Вот и сейчас кухонный раб Антур плюхнул ему миску с кашей так, что та едва не упала в грязь, под ноги рабов. Все захихикали, а Нед невозмутимо сел в конце стола, взяв положенный кусок хлеба и кружку пива. Что толку драться? Попробуй устроить драку, и точно попадешь под ремень Бранка.

Нед ел и с интересом прислушивался к тому, что происходило вокруг него. Сразу, как он вошел в деревню, почувствовал – все изменилось. Он стал слышать мысли людей и других живых существ!

Коровы мыслили тупо, просто, собаки поумнее, люди – ох люди! И чего только он не наслушался, когда шел к своему дому! Каких только грязных тайн не узнал! Например, тихая хозяйка бежит к соседскому парню, когда якобы идет к подруге поговорить о том о сем, и когда она звала его к ужину, в мозгу проплывали картины любовных встреч, да в таких подробностях, в таких ракурсах, что Нед чуть не покраснел, спрятав глаза.

Две молоденькие рабыни, видимо, наслышанные о Неде, думали о том, что если бы он не был проклятым ардом, покувыркаться с ним на сене не отказалась бы любая девка – вон какие загибающие руки, как прижмет... а рост какой! С таким ростом, видать, «инструмент» у него приличный... побольше, чем у хозяина, которого никак не заставишь распалиться как следует!

Антур, оказывается, предпочитает мужчин, а не женщин, и сегодня собрался на свидание с рыбаком Инуком, который живет на краю деревни. Как-то эти самые отношения между мужчинами в Замаре не преследовались, но и не считались нормой – что-то вроде невредного извращения, мало ли кто чем увлекается? Но дело в том, что Антур всегда хвалился своими победами над женщинами, так что открытие было довольно пикантным.

Чужие тайны перли в мозг Неда так, что скорее всего от этих всех мыслей у него и заболела голова.

Мысли бубнили, летали в воздухе, и он, не на шутку озаботившись тем, что с ним случилось, стал размышлять – как это вышло? Как получилось, что он слышит мысли?

После недолгих раздумий понял – это котелок. Похоже, что ему достался какой-то древний магический предмет, и он сдуру надел его на голову. Нет – а кто мог знать? Откуда он мог знать, что этот демонский котел обладает магическими свойствами? Он и был-то весь помят, как будто его раздавили между здоровенными глыбами. Впрочем, вероятно, так и было. А Нед еще умудрился его выправить, даже не разломав на части. Металл котла толстый, тяжелый, как он это так легко поддавался обработке? И почему он все время такой блестящий? И когда Нед нашел его на берегу, и когда потом пользовался на протяжении долгого времени – никаких следов зелени, образующейся на меди. Спросить бы у Силана... увы, нет старика.

– Эй, ты чего расселся, придурок?! Вот тебе! Жри и уматывай! – Антур перегнулся через стол и плюнул в чашку Неда, испортив недоеденную кашу. Так-то Нед уже наелся, но не в его привычках было оставлять еду – завтра ее может и не быть.

Нед молча посмотрел на зелено-желтую слизь в своей миске, и в его душе вспыхнул пожар ненависти. Он тихо сказал вслух три слова и сделал жест правой рукой. Антур вдруг перестал смеяться и схватился за живот:

– Ой, ой, больно! Как больно!

Раб согнулся вдвое и рухнул на пол, корчась от боли, бледный как полотно. Все замерли, не понимая, что надо делать, потом одна из рабынь бросилась к выходу и через пару минут появилась с Бранком, утирающим масляный рот. Похоже, что его оторвали от ужина.

– Что тут? Что происходит? – спросил он недовольно, глядя на корчащегося парня. – Что, сожрал чего-нибудь, что ли?

– Н-н-нет... – с трудом выдавил Антур, извиваясь на полу. – Вдруг стало больно, и все! Я не знаю, что случилось! В живот как кол всадили!

– Придется вызывать лекаря, – удрученно сказал Бранк и скомандовал: – Нед, беги за лекарем! Обскажи ему, как все получилось. Пусть быстрее идет, а то этот придурок сдохнет еще, пока старый дурак тащится через деревню. Только на щедрую оплату пусть не надеется! Одна обдираловка от него, каждый порошок будто золотом пересыпает, мерзавец!

– Хорошо. Все обскажу, – равнодушно сказал Нед и выскользнул в щель между покатыми плечами хозяина и косяком, умудрившись не задеть Бранка даже одеждой. Пришлось обтереть косяк спиной, но лучше косяк, чем эта ненавистная рожа. «Папа!» – мать его так...

Нед шел по деревне, опустившейся в предночные сумерки, и, разглядывая свою тень, отброшенную красной луной, думал вот о чем: ЧТО это было? Ведь он наслал проклятие на Антура, это ясно! Сказал какие-то слова, смысла которых не знает, сделал странный жест рукой, и вот – здоровенный детина валяется на полу, извиваясь от боли! Интересно, очень интересно. Сегодняшний день на самом деле потрясает.

Котелок! Вот оно что. Котелок. Нужно аккуратнее с этим делом – деревенские очень негативно относятся к проявлению любой магии, особенно магии проклятия. Если магия лечения воспринимается очень даже положительно, то магия проклятия, как говорят, пришла из-за моря, от тех же ардов, злых колдунов, и если кто-то узнает – ему не поздоровится.

Идти было довольно далеко, через всю деревню, тянущуюся на два ли вдоль берега моря, на возвышении. Селение рассекала небольшая речка, из которой, собственно, и пили почти все его жители. Воду набирали ведрами, возили бочками, а самые дельные отводили воду из речки к своим домам каналами, чтобы поливать огороды. Колодцы были не у всех домов, только у самых богатых, таких как у Бранка, держащего лавку с повседневными товарами – от крупы до иголок, от муки до лопат.

Через речушку вел каменный мост, сооруженный в такие давние времена, что уже никто и не помнил, когда он был построен. Говорили, что мост остался от тех времен, когда в мире правили другие боги, не нынешние. Нед в это не верил, хотя, глядя на этот мост, можно было подумать, что дело обстоит именно так – мост был таким замшелым и старым, что оставлял ощущение невероятной древности. Даже камни, из которых он был сложен, имели причудливую форму и не скреплялись ничем – просто лежали друг на друге, и все. И притом нельзя было вытащить ни один камень из моста, настолько крепко они в нем держались. Говорили, что держатся они с помощью старинной магии, ныне утраченной.

Плохо было то, что возле моста всегда собиралась молодежь. У воды имелась площадка, тридцать на сорок сантов, где обычно гуляли парни и девушки деревни. Тут играли на музыкальных инструментах, тут бегали в кустики целоваться или чего посерьезнее...

Нед никогда там не бывал, это место не для рабов, а тем более не для него, но нередко подсматривал, что там происходило, подкрадываясь к площадке из темноты. Он лежал в кустах и

слушал разговоры, мучительно мечтая о том, что когда-нибудь сможет вот так пойти в обнимку с девушкой, впиться в ее полные губы и раздеть в кустах, увидев, как блеснут в темноте ее полная грудь и стройные бедра. Мечты, мечты...

Проходить мимо площадки для него было опасно – показаться на глаза разгоряченной молодежи означало немедленную агрессию в его адрес. Потому Нед прибавил ходу и, держась темной стороны улицы, не освещенной фонарями, торчащими в окнах домов, рванулся к мосту. Чтобы тут же упереться в пятерых своих ненавистников, как будто нарочно поджидавших его у реки.

Главный – сын трактирщика, Шисор, в этот момент с удовлетворением вспоминал упругую грудь Салли, которую он лапал прошлой ночью, другой парень, его друг Эвор, думал о том, как завидует Шисору, уговорившему Салли, третий... в общем – все мелкие грешки тут же обрушились на Неда, затормозившего перед ними и приготовившегося к трепке. И она не заставила себя ждать.

– Вот это подарок! Смотрите, кто к нам пришел! – глумливо сказал Шисор. – Утром ты от нас удрал, а теперь сам пришел! Что, понравился мой кулак? Или колено Эвора? Слушай, а может, ты вообще любишь мужчин? Парни, он мужелюб, точно! Мне раньше как-то не приходила в голову эта мысль, а вот увидел его и понял – точно! Он! Слушай, Нед, у меня к тебе предложение: обслужишь нас – и иди куда тебе надо. Мы тебя не тронем. А еще – будем защищать от других парней. Правда, парни? Будем?

– Будем, – довольно хохотнул Эвор, – только если хорошо будет обслуживать. Кстати, я слышал, что мужчины обслуживают мужчин лучше, чем женщины! Они вроде знают, как лучше доставить удовольствие. Так надо сравнить!

– А ты что, уже пробовал это с женщинами? – недоверчиво спросил Нарт, сын кузнеца, здоровенный парнище, с Неда ростом, но в полтора раза толще. – Врешь ведь!

– Дурак! – презрительно сказал Эвор. – Надо знать, кого уговаривать! Очень приятное дело, я тебе скажу. Приятнее, чем обычное кувырканье.

– Тебе виднее, – неожиданно для себя сказал Нед, – как это с мужчинами. Тебя дядя зажал в сарае, когда тебе было двенадцать лет, и заставил побыть женщиной – во всех отношениях. Тебе понравилось?

Наступила тишина – такая тишина бывает перед грозой, когда вот-вот ударит гром и молния с треском и шипением разорвет пространство. Эвор открыл рот, как рыба, пытающаяся хватать воздух, потом закашлялся и, с трудом выдавив из себя, сказал:

– Что ты несешь, тварь? Ах ты тварь! Позорить свободного?! Проклятый раб! Да я убью тебя, гад!

Нед неожиданно ловко увернулся от удара, сбил Эвора подножкой и бросился бежать в прогал между парнями.

Все бы прошло хорошо, и Нед бы проскользнул мимо ошеломленных парней, но сын кузнеца обладал не только силой и быстрой реакцией, но еще и отсутствием воображения. Он не остановился, пораженный неожиданным выступлением самого безответного человека в деревне, а схватил Неда за воротник, остановив, как если бы тот ударился в плетень. Затем схватил парня поперек тела, так, что у Неда затрещали ребра, и неожиданно тонким для такого массивного парня голосом завопил:

– Я держу его, парни, держу!

Нед, недолго думая, пяткой ударил Нарта в большой палец его правой ноги; тот ойкнул, ослабив захват. Тут же последовал удар затылком прямо в губы, превратив их в два кровавых вареника, а потом, когда Нарт вскинул руки к лицу, – захват и бросок через себя, прямо под мост, в журчащую речку, откликнувшуюся большим БУЛЬК!

Дорога свободна! И Нед со всех ног припустил к лекарю, по пути обдумывая, как будет возвращаться назад. То, что идти через мост теперь нельзя – это само собой ясно. Парни будут его ждать, и возможно – не с голыми руками.

Нед был ошеломлен своим поведением – никогда еще он не вступал в драку с свободными, он вообще практически никогда не дрался. И тем более странным было то, что он делал это с таким знанием, как будто для него запустить стозусановым парнем в реку – обычное дело. Его тело само по себе делало то, что он не умел, чему его никогда не учили. И снова мысль – котел! Да котел ли это вообще?!

Фонарь в окне не горел – лекарь уже, видать, лег спать. Но Неду на это было плевать: он или лекарь – кто дороже? Получать наказание за неисполнение приказа совсем ни к чему.

И тут Нед задумался – а может, и правда, пора бежать? Ну какого демона он сидит в этом глухом углу, терпит унижения и побои, когда там, за околицей, весь мир?

Эта мысль всколыхнула его так, что парень простоял минут пять, обдумывая, обсасывая ее со всех сторон. Не придя ни к какому выводу, несколько раз ударил кулаком по раме окна, собранного из небольших кусочков стекла. На большие стекла денег хватало только у богатей. Лекарь в захолустной деревеньке никак не мог считаться богатым – деревенские обращались к нему только на последнем издыхании, и то норовили полечиться в долг, а если и были у них деньги – торговались за каждый медяк как сумасшедшие.

– Кто там? – хриплым со сна голосом крикнул лекарь, и Нед услышал его мысли: *«Кого-то принесло, демоны бы вас побрали... Опять небось поддыхает кто-то, нищоброды проклятые! Лезть лезут, а денег не дождеешься. Скоро жрать нечего будет, твари жадные!»*

– Это Нед, от Бранка. Там раб животом занемог, и хозяин послал меня за вами. Только сказал, чтоб вы шли быстрее, а то если Антур помрет – ни медяка не получите. А еще сказал, чтобы не рассчитывали на щедрую оплату, ваши порошки как будто золотом пересыпаны.

«Твари! Чтобы вы все передохли! Мои порошки золотые? Да я по самой меньшей ставке беру, почти в убыток! Проклятые нищоброды!»

Голос лекаря был сухим и скучным, и только через несколько секунд Нед понял, что это не слова, а мысли мужчины.

Вообще-то Нед уже потихоньку начал отличать то, что думают люди, от того, что они говорят – мысли были сухими, скучными, несмотря на горячность, с которой они «произносились». То есть ясно было, что автор мыслей переживает, что он говорит с сердцем, но слышались эти «слова» как сухие, бесцветные фразы. Слова вслух, наоборот, были окрашены оттенками произношения, кроме того, их тон был выше или ниже, тогда как мысли слышались с одинаковой громкостью, как речь человека, говорящего в полный голос почти у самого уха. Громко, в общем.

Да, кроме того, Нед обнаружил, что может слушать мысли всех вокруг на пять сантов, но если сосредоточится – одного человека услышит на гораздо большем расстоянии. Но только одного. Остальные сразу замолкают, даже те, кто стоит рядом. Это он выяснил тогда, когда шел через деревню к дому и от нечего делать экспериментировал со своими новыми способностями.

Лекарь вышел лохматым со сна, как дворовый пес. Его глаза, повидавшие все и вся, смотрели угрюмо и скучно с высоты своих пятидесяти с лишним лет. Никто не знал, как этот человек оказался в захолустной деревне на краю света – пришел, сказал, что он лекарь, и стал лечить. По большому счету, никому не было интересно, почему человек с такими способностями вдруг осел в деревне – они-то живут, так что в этом такого? Впрочем, даже если интересовались, своего интереса не выказывали – лечит, и ладно. Другие деревни не могут похвастаться настоящим лекарем, да еще и возлагающим руки на больного. Порошки порошками, но хорошая лечебная магия лучше всего. Порошками все не вылечишь, особенно если они не заговоренные. А хороший маг-лекарь свои порошки заговаривает, а не просто так толчет в ступе.

«Ну что, что я делаю здесь, в этом захолустье? – Мысль лекаря была сухой и скучной, но потом она поразила Неда. – И это я, придворный лекарь, бежу к придурковатому купчишке, чтобы лечить его не менее придурковатого раба! За медяки, за нищенскую плату! Ну на кой демон я тогда согласился составить яд для этой суки? Если бы я не приготовил яд, если бы она не сдала меня на допросе... сейчас бы сидел в белокаменном дворце и пил хорошее вино с прекрасной женщиной... иэ-х-х... Чего этот debil так уставился на меня? Хм-м... интересная у него аура... Парень-то потенциальный маг. Только если узнают местные придурки – прибьют. Магия-то у него черная! Аура красная, с черными прожилками. Но он еще дохловат, максимум если что и может – понос наслать. Хм-м-м... интересно... надо спросить».

– Эй, парень, а что там с этим рабом?

– С животом чего-то... болит вроде как.

«С животом... очень интересно... не он ли наслал? А что – неосознанно, он же необученный. Черный маг... редкость, однако. Боевой маг. Королевство с ног сбилось, разыскивая потенциальных магов, а он тут, сидит в глухой деревне, коров пасет! Да еще кто – черный маг, один на сотню магов! Ну не парадокс ли? Может, послать письмецо в город? Тамошнему градоначальнику? Ведь награда – десять золотых за сообщение о потенциальном маге. На дороге не валяются. Завтра пошлю. А пока надо идти – эта тварь может и вправду ничего не заплатить, если раб крякнет. Скажет – долго шел. Интересно, а меня прекратили искать или нет? Все-таки десять лет прошло. Вернуться бы в столицу... эх-х. А может, за черного мага побольше дадут, не десять золотых? Вроде было такое распоряжение – за черного мага больше. Пир закачу, три дня пить буду, не просыхая!»

– Давай, веди быстрее! – И лекарь так шустро заковылял по дороге, что Нед с трудом успевал за этим человеком. Ему многое хотелось у него спросить, но само собой – не решался. Как он объяснит, что слышит мысли? Его или сочтут за ненормального, или... просто убьют. Кому охота осознавать, что все, что ты думаешь, становится известно какому-то придурку?

Нед слегка отстал от лекаря, мучительно раздумывая, как ему перейти через мост, где ждут обиженные им парни? Если попробовать пересечь речку вброд... только вот берега круты, да и вымажется по полной. Одежду порвет. Будет скандал. А если держаться поближе к лекарю? Может, побоятся трогать при нем?

Прибавив шаг, Нед догнал лекаря и взял его сумку:

– Давайте я вам помогу! Вам полегче будет.

– Хм-м... Ну возьми. – Лекарь с облегчением перевесил сумку на плечо парня. – Смотри только не упади! Там ценные порошки, склянки, побьешь – они мне в такую копеечку встанут, что я тебя просто разорву на части! Проклянц!

«Как бы он сам не проклял, – усмехнулся про себя лекарь, – такой понос напустит, что месяц дрисать буду, весь на дерьмо изойду! С черными надо поосторожнее. Тогда, пятнадцать лет назад, один черный маг весь наступающий полк проклял, полторы тысячи человек – они или в атаку, вываливая дерьмо из штанин! Вот была картина. А запах! Бойцы из них после этого сделались совсем никудышные. Этому, конечно, до профессионала далеко, но в пике усилия – в раздражении или отчаянии – он может выдать очень мощное заклинание. Такое, что насланный понос будет просто цветочками. Примеры были. Интересно, как это у него способности проявились в таком возрасте? Обычно маги выдают себя уже лет в десять, а то и раньше, а ему... ему... сколько? Лет двадцать? Больше? Хм-м-м... нет... выглядит только старше, а так, наверное, лет шестнадцать-семнадцать. Мосластый парень. Ему бы мяса нарастить – убойная машина будет... Фонарь бы не разбить – чертовы камни! А так-то парень приличный – вишь как, сам вызвался помочь. Нынешняя молодежь одно хамло, твари! А что я удивляюсь – такие же твари их и воспитывают. Быдло. Иэ-х-х... где столица, где проспекты, освещенные фонарями, где гуляющие толпы народа на ярмарке Осеннего Урожая... Скалы, море, ветер... и быдло, которое не затрудняет себя тем, чтобы удалиться»

в кусты для того, чтобы испражниться, гадит прямо на дорожку! Вчера вляпался, гады! Такое впечатление, что нарочно кто-то наделал, чтобы я вляпался. А что – ничего удивительного. От этого народа разве дождешься благодарности? Вот опять – стоят у моста и болтают! Делать им нечего, болтаются и болтают!»

Парни ждали Неда у моста, перекрыв его, как пробка перекрывает выход вина из бутылки. В руках палки – настроены совсем решительно.

Нед потеснее пристроился к лекарю, а тот, воинственно задрав бородавку, свитую спиралью, пошел прямо на толпу, угрожающе размахивая своей тростью, на конце которой имелся серебряный набалдашник в виде дракона. Лекарь очень гордился своей тростью и всегда ходил только с ней, хотя явно не нуждался в поддержке – мужчина он был шустрый и энергичный.

– Ну-ка прочь! Бездельники! Только бы болтать и плевать семечки! Деревенщины неумытые! Прочь, сказал! Сейчас как напушу порчу, будете дристать месяц без продыху! Глупые твари!

Парни с опаской расступились, Нед прошмыгнул за лекарем, а вслед ему пронеслось:

– Ничего, еще встретимся. Завтра. Куда ты там гоняешь своих коров?

Неда пробрал холодок – этого еще не хватало! Раньше они его за деревней не трогали... ограничивались глумлением в людных местах. А теперь... неизвестно, что будет теперь.

Дома их ждали. Антур лежал на подстилке, которую под него положили. Его лицо было бледным, из-под него шел тяжкий дух, свидетельствующий о том, что парень как следует обделался. Хозяин осторожно поглядывал на больного из-за угла, и когда лекарь вошел в дом, бросился к нему и возбужденно спросил:

– Что с ним?! Не моровое поветрие? А то все тут передохнем!

– Сейчас посмотрю, – ворчливо заметил лекарь. – Только за осмотр деньги вперед. Серебряный пул. И воду давайте. Мыло. Я что, с обгаженными руками буду в порошках лазить?!

– На! Кровопийца... – буркнул тихонько Бранк, протягивая лекарю серебряную монету. Тот с довольным видом ее спрятал, потом сообщил:

– Стоимость порошков отдельно. Лечение руками – тоже отдельно. Вы что думаете, все дешево? Как в своей лавке, так ты не больно-то отдаешь задешево, а тут весь изжадился! Небось в тайниках тысяч сто золотом попрятал, а покормить рабов как следует у тебя рука не поднимается?! То-то они у тебя животом маются!

– Не болтай, чего не знаешь, – буркнул Бранк и мысленно добавил: – *Сто не сто, а шестьдесят тысяч имеется. Надо будет проверить в погребке, как бы кто не нашел, поглубже закопать!*

– Хватит болтать, Сенерад! Делай свое дело! Сколько у меня есть – все мое. Ты сумей заработать, а потом считай чужое добро.

«С вами зарабатываешь, – подумал лекарь, – крохоборы проклятые! Хе-хе – и в самом деле проклятые! Забавно будет, если парнишка их проклянет! Увы, скорее всего он осознанно вызывать проклятие не умеет. Только в порыве гнева. А чего увы-то? Умел бы – вся деревня валялась бы пластом. А то и чего похуже. Лучшие пусть не умеет. Под контроль его надо, иначе беда будет. А так хочется оставить его тут – вот бы он навел порядок в этом гадючнике. Они бы мне денег принесли просто кучу! Стоп! Стоп! А это мысль. А что я теряю? Сдать власти я всегда его успею. А если бы он по моему велению напускал порчу... эх и денег бы я имел! Снять-то запросто, никаких порошков не надо – заклинание освобождения, и все. Уровень-то у него в районе первого, тут не надо большой силы. А у меня все-таки восьмой лекарский. Не ахти какой высокий, но против него – как собака против цыпленка. Только вот одно – как заставить его напускать порчу по моему приказу, а еще – как сделать так, чтобы он молчал об этом? Не разболтал? И как забрать его у этого придурка? Сейчас подумаю, подумаю... Нет. Похоже, все-таки придется сдать его власти. Слишком сложная получилось бы задача. Этот Бранк такая тварь – ни за что не отдаст парня мне в помощники. Лучшие

поймать денег сразу, чем нажить проблем. О-о-о-о! Точно – он напустил проклятие. Дурачок не знает, что каждая магия оставляет индивидуальный след, след его ауры. Запустил проклятие – вот уже все и знают, что это сделал он. Если бы нельзя было отличить заклинания – черные маги творили бы что хотели. Хотя... говорили, что особо злостные маги умеют выставлять ауру-обманку вместо своей. Меняют оттенки. Но мне кажется – это досужие рассказы. Ух ты... да у него уровень четвертый, не меньше! Как это раньше тут не возникали массовые моры и болезни? Так-так... А чего я глупости всякие придумываю? Надо оставить парня на какое-то время в покое и посмотреть, что будет! Пусть он порчи наведет как следует, я полечу больных, а когда придет время – отправлю его в город. Типа – я обнаружил стихийного черного мага. И получу награду. Не надо его заставлять, принуждать, и никто ничего знать не будет. Все чистенько и элегантно. Ух я и молодец, ух – голова!»

– Все, готов ваш раб. Здоров. – Лекарь брезгливо прополоскал руки в теплой воде, намылил их мылом и поморщился: скупой Бранк даже на мыле экономит – вонючее, для рабов.

– Что с ним было? – забеспокоился хозяин.

– Три серебреника! – Лекарь красноречиво протянул руку и пошевелил пальцами. Бранк вложил монеты ему в ладонь, Сенерад убрал их в кошель, привязанный на поясе, и довольно пояснил: – Кормить надо лучше своих рабов. Съел чего-то несвежее. Удивляюсь, как остальные рабы не слегли. Судя по тому, где они живут и чем питаются, – давно пора слечь. Все, я спать. Если что-то понадобится, где живу – знаете.

– У него точно не моровое поветрие? – недоверчиво осведомился Бранк, глядя на поднимающегося с пола порозовевшего Антура.

– Я же сказал – нет! Пусть зад вымоет, и будет как новенький, – усмехнулся лекарь и, стуча элегантно тростью по полу, вышел в коридор. Оттуда послышался грохот, ругательства – видимо, он задел медный тазик для варки варенья и свалил его на пол, потом хлопнула дверь, и все затихло.

– Разошлись по местам! Все, все разошлись! Чего уставился? – Бранк злобно глянул на Неда и замахнулся на него тряпкой, которую держал в руках. Нед не согнулся, как обычно, не вздрогнул, и хозяин задумчиво наморщил лоб: что бы это значило? Но найденыш уже повернулся и ушел. Бранк не долго задумывался над его странным поведением – ночь, спать хочется. Не до паршивых придурков.

Утром, как обычно, Нед встал на рассвете, с трудом продрал глаза – надо было вести стадо на пастбище. Пошел к колодцу, стараясь не громыхать, опустил в него деревянную кадушку на пеньковой веревке, поплескал в лицо ледяной водой и, передернувшись от утреннего ветерка, пошел на кухню, перехватить чего-нибудь на завтрак.

Сегодня ему повезло – кухарка была в хорошем настроении (все ее мысли возились вокруг ночных игрищ с соседом, и в этот раз тот постарался на славу!), дала Неду обрезков окорока, свежую лепешку, только что испеченную в печи, и он, чуть не урча от наслаждения, смел все в мгновение ока.

Затем ему был вручен узелок с обедом, тоже вполне объемистый. Насвистывая под нос мелодию, которую слышал на молодежном сборище в один из вечеров, Нед пошел на околицу собирать стадо.

Вот там ему настроение и испортили: здесь был и сын кузнеца с распухшей физиономией – по ней как будто прошелся дикий зверь (Нед вспомнил – под мостом рос замечательный терновник!), и Эвор с его грязными мальчишескими тайнами, и Шисор с его извращенными мечтами. Тут стояла и Салли, с некоторым интересом поглядывающая то на сына кузнеца, то на Неда и вспоминающая, как вчера обжималась с Шисором, – ее картинки были такими ясными, такими яркими, сочными, что Нед чуть не покраснел.

Вся эта компания явно ждала его, и когда Нед появился на горизонте, они встрепенулись и подошли ближе. Лица парней были серьезны, а Нед уловил, что у Шисора и Эвора в кармане

лежали острые ножи, которыми они собирались... нет, не убить. Покалечить Неда. Как следует порезать. Напугать. Не здесь – позже.

Они ничего не сказали, только молча смотрели, потом Шисор криво усмехнулся и многообещающе кивнул Неду – мол, скоро, скоро... увидимся.

Нед тоже ничего не сказал, собрал коров и, подгоняя хворостиной последнюю – ленивую скотину, принадлежавшую рыбаку Нустару, погнал стадо в холмы, подальше от обработанных полей, на которые уже потащились деревенские жители – прополку и окучивание никто не отменил.

Главной задачей Неда было даже не следить за тем, чтобы коровы не пропали – тут это очень редко случалось, – а смотреть, чтобы коровы не залезли на огороды, в поля, и не сделали потраву. Тогда ему бы крепко досталось от старосты, а его «отец» заплатил бы штраф – он же получает деньги за пастуха, ему и платить. Ну а Неду, само собой, отвечать своей шкурой.

День начался удачно, а как он продолжится... это как боги захотят.

Как-то Нед не был особо религиозным – ну да, боги. Да, надо им иногда делать подношения. Так какие у фактического раба могут быть подношения? Если у него вообще ничего нет. Потому терпите, боги, будут деньги – будут и подношения.

Поразмыслив, Нед решил отогнать стадо на дальние луга – к морской излучине. Там давно уже не был – трава подросла и водопой хороший... и подальше от деревни. То, что сегодня у него будут проблемы, Нед не сомневался. Вот только позволять себя бить больше не собирался. Что он сделает? Да кто знает, что сделает. Да плевать на них! Что хочет – то и сделает!

Нед с удивлением следил за своими мыслями – с чего вдруг в нем проснулся такой бесстрашный бунтарь? Только ли из-за того, что он надел котел? А может, время пришло и в нем проснулась кровь его предков-пиратов? В любом случае – свое нынешнее состояние ему нравилось. Как и то, что живот был набит вкусной ветчиной, котомка с обедом приятно оттягивала плечи, солнце грело, ветерок охлаждал, море шумело и пахло рыбой и чем-то горьковатым, свежим – чем не жизнь? Может, погодить пока с побегом? Как-то вполне неплохо стал жить. Чего там этот лекарь думал о болезнях и проклятиях? Как понял Нед, этот демонов старик собирался использовать Неда в качестве некоей ходячей болезни. Нед проклинает кого-то, а лекарь лечит и собирает за это деньги. Вот только почему-то старому дураку не пришло в голову спросить – а Нед-то согласен на это? У лекаря даже мысли не возникло, что он должен как-то заинтересовать парня, как-то его подмаслить. Привыкли пользоваться трудом раба, не давая ничего взамен, вроде так нормально. А ведь совсем даже ненормально!

Нед опять удивился – откуда у него эти мысли? Он никогда не умел думать так связно и так... разумно, что ли. Никто не учил его думать, выстраивать логические цепочки. А теперь... теперь все изменилось. И опять – это ему нравилось!

Насвистывая и погоняя стадо, испуганно косящее глазами на пастуха, Нед добрался до холма Одинокого Дуба, что в трех ли от околицы деревни. На это понадобилось много времени, и солнце стояло уже довольно высоко над морем, блестевшим на горизонте.

Одинокий дуб, по которому был назван холм, стоял на своем месте, впившись корнями в землю так, что, вероятно, удержал бы весь имперский флот, даже не покачнувшись. Он был в несколько обхватов – корявый, узловатый, похожий на богатыря в старости, сильного, но уродливого. Нед любил обедать под ним – хороший тенок, и видно отсюда на все стороны. Если корова задумает отойти куда не надо, ее тут же можно заметить и вернуть – с помощью мата и палки. В низинке били родники, питающие ручеек, стекающий к морю, – идеальное место для отдыха и пастбища.

Устроившись у ствола дуба, Нед уселся, скрестив ноги в драных, сто раз зашитых сапогах и довольно прикрыл глаза – Нарда следит за стадом, можно и передохнуть. Спал-то всего

ничего – часа четыре, не больше. Нед прикрыл усталые веки, и сон тут же набросился на утомленное тело, накрыв Неда мягким лоскутным одеялом.

Очнулся Нед от лая Нарды – она чуть не хрипела, лаяла на кого-то чужого, и Нед тут же вскочил на ноги, приготовившись к самому худшему. И точно! Они.

Нед чуть не застонал от разочарования – ну почему, почему никогда не бывает так, чтобы все было хорошо? Ну почему боги посылают все новые испытания его истерзанному телу? Ну зачем они прислали этих придурков?

– Эй, не трогай собаку! Не трогай! – отчаянно крикнул он, видя, как Шисор прилаживает стрелу на охотничий лук. Глупенькая Нарда так и продолжала кидаться на врага, защищая Неда, как будто почувствовала опасность, идущую от этих людей. Раньше она никогда так не делала. Почему сегодня решила бросаться на людей?

– Шисор, не надо! – неуверенно крикнула Салли. – Жалко собаку!

– Шис, это собака Бранка, пастушья собака, он за нее денег отдал, – вмешался Нарт, – смотри, скандал будет. Она денег стоит. Говорят, лучшая пастушья собака в нашей деревне. Бранк к старосте потащит на суд, а папаша тебе башку набьет. Она не меньше пяти золотых стоит.

– Да какого демона тогда он ее распускает?! – взъярился Шисор. – Может, она бешеная, взбесилась! Да, точно взбесилась – и вы потом подтвердите! Глядите, она меня чуть не цапнула, за штаны ухватила!

Шисор спустил тетиву, и стрела, пропев свою похоронную песню, едва не приколола Нарду к земле. Она прочертила у собаки под брюхом кровавую черту и воткнулась в землю, дрожа, будто от разочарования. Нарда взвизгнула и бросилась к Неду, ища в нем защиту.

Найденыш стоял, сжав кулаки, задыхаясь от ненависти. Потом присел на корточки, не спуская глаз с врагов, и прижал к себе собаку, дрожащую от возбуждения. Она скалила зубы, рыча на пришельцев, и в ее голове все время мелькало:

– Враги! Больно! Хозяин, любовь! Больно! Рвать врагов! Плохие люди!

– Плохие, плохие, Нардушка, – ласково сказал Нед и осторожно ошупал рану собаки. Ничего серьезного не было – царапина. Бывало и хуже – заживет. Как-то она напоролась на острый сук в овраге, погнавшись за кроликом. Сук воткнулся ей в грудь, и думалось, что все, помрет. Нет – выкарабкалась. Нед тогда нес ее на руках несколько ли и выхаживал у себя в закутке две седмицы.

– Дай мне! – услышал он голос Эвора и увидел, как тот берет из рук Шисора прихотливо изогнутое дорогое оружие. – Я сейчас их обоих приколю, как насекомых!

– Ты спятил, Эвор! – решительно сказала Салли. – Наши игры заходят слишком далеко! Одно дело набить ему морду, посмеяться над ним, другое – убить! Ты представляешь, что это будет?

– Да ничего не будет. – Эвор был бледен и решителен. – Скажем, что он набросился на нас, натравил собаку, хотел убить камнем – вон и камень лежит. Мне и пришлось его застрелить! Он же на самом деле не раб – значит, денег не стоит и нам не придется за него возмещать. Собаку не тронем – она дорогая, зачем нам проблемы, а он – ничемное, никудышное существо. И пусть подышает. Салли, не лезь! А то получишь по башке!

– Эй, эй! Это моя девушка, чего ты раскомандовался! – возмутился Шисор. – А за «по башке» сам получишь по башке! Свою девушку заведи, потом бей ей по башке!

– Чего ты взвился-то? – растерялся Эвор. – Ну вот, все настроение испортил!

Он опустил лук и посмотрел на Неда, спокойно наблюдавшего за происходящим:

– Повезло тебе, грязь с подошвы, – живи. Но внутренности мы тебе отобьем! Чтобы ссался кровью! И чтобы на девок никогда больше не смотрел! Давайте его кастрируем, парни? А что? Работать сможет, а девок портить нет! Забавно, а?

– Салли, как ты можешь ходить с такими подонками? – неожиданно спросил Нед. – Знаешь, почему он бесится? Я открыл его грязную тайну – он ведь кувыркался с мужчиной. А строит из себя нормального парня. Но это все ерунда. Он просто тварь, грязная подлая тварь! А твой дружок? Ты знаешь, что он рассказывает всем парням, что у тебя между ног на этом самом месте родинка и что ты вчера согласилась на то, на что он тебя уговаривал два месяца? Он же болтливый, как баба! А Нарта эти два ублюдка считают тупым скотом, который бегают у них на привязи, и выпускают его тогда, когда нужно кого-то избить. Тебе нужны такие друзья? А после того, как он вчера валялся на тебе в сеновале, пошел и тискал свою младшую двоюродную сестру и говорил ей грязные гадости, рассказывая, как имел тебя во всех видах. Они хихикали и делились впечатлениями – она тоже хороша, валяется со всеми парнями. Шлюха. Вы все грязные твари! Подонки! Как я вас ненавижу, вы бы знали! Будьте вы прокляты, твари!

В воздухе внезапно запахло лепестками роз, этот запах сменился отвратительным запахом трупа или дохлой рыбы – вонючий, непереносимый, выворачивающий наизнанку. Потом запах хвои и снова вонь, уже сладковатая, как будто смешали навоз и мед.

Нед тихо, с нарастающей высотой сказал несколько слов, окаменев, как статуя, – двинулись лишь его руки, сплетая причудливую вязь, оставляя в воздухе светящиеся непонятные знаки.

Потом все затихло, и Нед с недоумением посмотрел на свои руки, совершившие что-то против его воли, и на четверых молодых людей, замерших на земле в разных позах, с раскрытыми глазами и струйками слюны, тянущейся из уголка рта.

Нед бросился к лежащим, пощупал – они были живы. Сердца их бились ровно, размеренно. Молодые люди как будто спали или были в забытьи.

Потом зашевелились и начали вставать на ноги. Нед ощетинился, приготовившись к атаке, – сейчас они начнут ему мстить за те обидные слова, что он с какой-то стати наговорил, выудив сведения из их голов. Но они стояли молча и как будто не узнавали ни друг друга, ни того места, где сейчас находились.

Нед обошел вокруг парней и девушки, но они так же и стояли, как стояли пять минут назад, и тупо тарасились в пространство остекленелыми глазами. Нед ошеломленно присвистнул, постоял рядом и тихонько стал уходить от дуба, подхватив по дороге свой заветный узелок. Что делать – он не знал. Оставить их тут? А потом что? Точно свяжут с ним... и не жди пощады.

Вдруг осенило:

– Идите домой и скажите, что ударились головой! И ничего не помните! Лук и стрелы подберите!

Почему он так сказал – сам не знал. С какой стати они должны были его послушаться? Но послушались.

Шисор подобрал лук, вытащил из земли стрелу и безвольно побрел в сторону деревни, как оживший мертвец. Следом потянулись и остальные, волоча ноги и пуская изо рта слюни.

Нед же бросился в противоположную сторону, на лай Нарды, собирающей коров в кучу – нужно было срочно менять место. Как бы кто не пришел посмотреть, о какой это камень ударились четыре придурка...

Глава третья

Больше этот день не принес никаких неожиданностей. Кроме, может быть, одной – пришлось искать корову, спрятавшуюся за кустами терновника у расщелины, ведущей куда-то в гору. Эта тварь решила отлежаться и пожевать свою жвачку в тихом одиночестве – как обычно она это делала. Эта корова уже достала Неда, и он мечтал, чтобы та скорее оказалась в похлебке. Увы – решать этот вопрос было не в его возможностях. Впрочем... нет – не решился. Да и жалко глупую тварь. Она-то ничего плохого ему не сделала, в отличие от людей. А то, что забралась в дебри – так на то и пастух, чтобы не зевать.

Вечером в деревне его встретило известие о необычайном происшествии – трое парней и девка неожиданно потеряли память и явились домой, пуская слюни, как идиоты. Побежали за лекарем, но он развел руками – не в его, мол, силах! Нужен лекарь высшего разряда, а он не справится. Вот теперь и думают – чего делать-то? Куда везти несчастных идиотов? По версии деревенских, этот молодняк залез под гору, в пещеры, куда лазить совершенно нельзя. Потому что живут там подземные жители, лишаящие неосторожных людей памяти и забирающие их души.

Нед аккуратно осведомился у кухарки, рассказавшей деревенские новости, где же находится этот вход в подземелье, и получил туманный ответ – где-то ТАМ, в холмах. «Там», судя по взмаху руки кухарки, занимало пространство в половину мира.

Поужинав, Нед пошел к себе, выпросив у кухарки немного меда и суркового жира. Смешав их, получил что-то вроде мази, которую и втер в царапину Нарды. Она легонько повизгивала, когда руки касались болезненной глубокой борозды, а потом истово вылизала эту мазь, по окончании действия весело ткнувшись холодным носом в щеку Неда и радостно подумав:

«Хозяин хороший! Любовь! Вкусно! Вкусно! Добрый!»

Нед рассмеялся, схватил псицу в охапку, и они немного повалились на соломе, теребя друг друга и притворно рыча, как будто собирались перегрызть друг другу горло. Нарда была еще совсем молоденькой, потому ужасно обожала игры.

Поиграв, они растянулись рядом, Нарда тут же уснула – вечером она получила хороший, сытный ужин, да и набегалась за день. Нед же принялся обдумывать свою дальнейшую жизнь. И чем дальше он думал, тем больше приходил к мысли о том, что ему надо переговорить с лекарем. О чем? Само собой, о том, как ему жить дальше.

Нед осторожно встал со своей лежанки, натянул сапоги и потихоньку вышел из сарая, посмотрев – не заметил ли кто, как он выходит из дома? Наступила ночь, и было темно, как в погребе, – красную луну спрятали густые облака и начинал накрапывать дождь, пока еще слабый, но к середине ночи он должен разойтись как следует, по прикидкам Неда. Но это хорошо – молодежь попряталась по домам, старшие уже давно спят, так что никто не увидит, как он шагает по деревне.

Так оно и вышло – ни в деревне, ни на мосту не было ни одного человека. Фонари, освещавшие внутренности домов, тоже погашены – было такое ощущение, как будто снова наступила дождливая зима, когда все забивались по домам и сидели, слушая стук дождя. Лишь иногда брехали собаки, когда Нед бесшумно крался вдоль заборов, да и то вяло, больше по обязанности, чем по желанию. Надо же как-то отрабатывать кусок, который дает хозяин.

Лекарь тоже спал – дом его стоял тихий и безжизненный, как будто в нем никто не жил. Садик при доме был запущенным и убогим – за ним не следили, лекарю было наплевать, росли там бурьян или же цветы, достойные быть подаренными красивой девушке.

После стука в окно через некоторое время раздался хриплый, недовольный голос Сенерада, а затем появился и сам владелец голоса, успевший накинуть на плечи полушубок. Лекарь не удивился, увидев Неда, и тут же, усмехнувшись про себя, подумал:

«Видать, опять кого-то проклял. Давай, давай, мой мальчик, старайся! Только не так, как с этими пентюхами, – полегче! Дядюшке Сенераду нужна работа, и побольше. Вернее, даже не работа – деньги!»

– Чего пришел? – сказал он вслух. – Заболел кто-то?

– Нет. Да. Может, и заболел, – смешался Нед. – Но меня никто не посылал. Я сам пришел.

– Сам? – удивился лекарь. – Зачем?

– Поговорить нужно.

– Ты спятил? Какие у меня могут быть разговоры с тобой, безродным рабом, да еще в ночное время? Иди отсюда. Днем приходи, и поговорим. Все, все, шагай!

– А если сейчас прокляну? – со спокойной усмешкой спросил Нед.

– Че-го? – опешил лекарь и подумал: *«Что за демонство! Откуда знает?! Он знает?! О боги! Так-так, надо с ним поговорить...»*

– Заходи... – невозмутимо ответил Сенерад и нырнул обратно за дверь. – Притворяй только плотнее, дверь заедает. Запри на крючок. Рассохлась совсем, то не закроешь, а то ветром распахивает. Ремонтировать надо, да денег нет. Селяне скупы до невозможности... Ну, садись сюда. Чего ты там толковал о проклятиях? Рассказывай.

– Давайте сразу договоримся: я буду говорить откровенно и вы говорите откровенно, без вранья. Я почувствую, когда вы врете, не сомневайтесь. Ну что, договоримся?

– Многообещающее начало разговора, – удивленно хмыкнул Сенерад. – Я слышал, что ты вроде деревенского дурачка, безответного и безобидного и довольно глуповатого, а ты вон как заговорил? Ладно, давай начистоту. Только это ты ко мне пришел, а не я к тебе, так что давай-ка ты первый начнешь. Что привело тебя ко мне?

– Я хочу, чтобы вы научили меня пользоваться моей магией! – выдохнул Нед. – Я хочу уметь контролировать свою магию и уметь вызывать ее тогда, когда захочу, а не тогда, когда злюсь или в гневе. Это главное.

«Что он знает?! О-бал-деть! Вот это запросы! Вот это дурачок! Интересно, как он почувствует, что я вру? Эмпат? Ну-ка, попробую...»

– А зачем ты ко мне пришел? Я скромный захолустный лекарь, а ты пришел ко мне с какими-то странными вопросами. Как я могу тебя чему-то научить, если сам это не умею? И вообще – что у тебя за магия такая? Пока я ничего дельного от тебя не услышал.

– И я от вас. Все вы врете. Вы знаете, что я черный маг, знаете, что выпускаю проклятия, знаете, что это я Антура заколдовал. А я про вас знаю – что вы были придворным лекарем, что вы кого-то там отравили и вас разыскивали, чтобы наказать, потому и сидите здесь, в захолустье. Знаю, что вы видите, когда мое проклятие ложится на людей, и можете его снять. Может, хватит врать?

«Боги! Что он еще знает?! Откуда? Кто сказал? Проклять!»

– Не беспокойтесь, я вам не нанесу вреда. Никому ничего про вас я не говорил. А то, что знаю, увидел во сне.

«Провидец?! Черный маг – провидец?! Как это может быть? Боги, как вы шутите над усталым человеком! И ваши шутки все изощреннее и изощреннее!»

– Так что тебе от меня надо, – откашлявшись, хриплым голосом продолжил Сенерад, – если ты и так все знаешь?

– Ну перестаньте! – раздраженно сказал Нед. – Будете злить меня, я не удержусь и прокляну вас! И с себя, возможно, вы не снимете заклятие!

– А ты и не наложишь на меня, – автоматически сказал лекарь, – я себя оградил защитными заклинаниями. Уровень у тебя для меня слаб. Я тебе не увалень из деревни Черный Овраг. Как бы еще в тебя самого твое же заклятие не ударило – вот наложу на себя заклинание отражения, узнаешь тогда, как обижать мирного лекаря!

– Во-первых, не врите – не такой уж вы и мирный. Во-вторых, я не собираюсь наносить вам вред, потому все ваши сложные заклинания бесполезны. А в-третьих – вы уверены, что сможете прикрыться от меня заклинаниями? Не уверены? Ага. Тогда перестаньте говорить ерунду и давайте поговорим, как два разумных человека.

– Давай-поговорим-как-два-разумных-человека! – эхом, с расстановкой повторил лекарь и подумал: *«Ни хрена себе дела творятся! Если завтра со мной заговорит корова и скажет, что она владеет магией огня, – я не удивлюсь. После этой встречи, похоже, я больше ничему в жизни не удивлюсь».*

– Я хочу владеть моей магией и хочу, чтобы вы мне в этом помогли. Можете?

– Нет, не могу. Не смотри на меня так – дело не во мне. Дело в том, что ты должен учиться, и не у меня, а у тех преподавателей, которые умеют учить. Как мне ни прискорбно признать, но я не такой сильный маг, как хотелось бы. Да, я хороший лекарь, но не более того. Чтобы устроиться во дворец одним из придворных лекарей, мне пришлось дать взятку мажордому. Пятьсот золотых. И это при том, что мы дальние родственники – его бабушка приходится двоюродной сестрой моей бабушке. И этот тип содрал с меня деньги, чтобы я стал одним из пяти лекарей, обслуживающих придворную челядь. Ну да, я еще практиковал тайно, готовил приворотные зелья и кое-что еще, на чем и погорел. Но речь не обо мне, речь о тебе. Хочешь овладеть магией – ты должен учиться в магической агаге. Притом в той, что занимается боевыми, черными магами. А я белый маг. Я лекарь. Все, что я умею, направлено на то, чтобы снимать последствия заклинаний, наложенных такими, как ты. Понимаешь? Я доступно объясняю? Ты пойми – я не против тебя учить чему-то, но как я могу тебя учить чему-либо, если сам этого не умею?

– Вы не совсем честны. Подготовка магов на первых порах должна быть похожа. Так ведь?

– Так... но... Ладно – как ты себе это представляешь? Ну вот – я пришел к твоему хозяину и сказал: отдай мне твоего раба – или сына, как он там это преподносит, – я его буду учить магии! И тут же все свяжут твоё обучение со случаями необъяснимых болезней в деревне. Особенно припомнят этих четверых! Кстати – а что ты с ними сделал?

– Ничего себе! А я думал, ВЫ мне расскажете, что я с ними сделал! Стоп! А откуда вы знаете, что я это с ними сделал? А! Глупость говорю – по следам ауры, да? И почему вы их не вылечили?

– Да. По следам ауры. И то, что ты сделал, для меня недоступно. Я не могу понять, что ты сделал. Воздействие – было. Следы твоей магии – есть. А вот сама болезнь мне непонятна. Не могу ее снять. Внешне они полностью здоровы, вот только... идиоты. Им скажут – они делают, не более того. Надо почитать литературу по черным магам, а у меня ее совсем мало. Честно сказать, во время обучения на факультете целительства агаги я не особо интересовался черными магами. Впрочем, если только в качестве черных магов не выступала симпатичная девица. Хотя и это не особо служило поводом для знакомства: когда ты с ней, в голове все время сидит мысль о том, что вот не понравится ей, как я вел себя в постели, она ррраз! – и наложит проклятие. И станешь после никаким по мужской части. Или вообще никаким. Или обделаешься прямо в постели. Честно сказать, это не способствует бурным любовным играм. Вот что-то вертится у меня в голове – как будто я где-то слышал или читал о таком проклятии, что ты наложил, но ничего в голову не приходит. Ну да ладно – может, попозже вспомню. Так что – какое у тебя есть предложение по поводу того, как мне позаниматься с тобой началами магии? И вот еще что – а ты хоть читать-писать умеешь? Нет? Я так и знал... Глупо было и спрашивать.

– Да, у меня есть предложение, как это все обстряпать. Слушайте...

Изложение придумки не заняло много времени. Сенерад недоверчиво слушал, подняв брови, потом, скривив губы, сказал:

– Тупо как-то. Но может сработать. Только как ты потом выйдешь на улицу? Раз вышел – значит, вылечился? Вылечился – значит, возвращайся назад, работать. Знаешь что, может, не придумывать ничего нового, а просто заявить о тебе власти, и поезжай себе учиться в агару? Я получу свои денежки, а ты... ты вылезешь из своего рабства. Кстати сказать – а может, нам вообще рвануть в столицу? Времени прошло много, мои прегрешения могли уже и забыться... Конечно, во дворец мне дорога заказана, но кто мешает мне открыть свое дело где-нибудь в купеческом квартале?

– А кто вам даст меня забрать? С чего вы решили, что Бранк так запросто возьмет и отдаст меня вам – бери, мол, и поезжай с ним куда хочешь?

– Тоже верно... – слегка растерялся лекарь. – Так, так... нужно подумать... Вот что! Придумал. Знаешь, как сделаем? Завтра приезжает скупщик жемчуга на своем корабле. Я дождусь, когда он поедет обратно. У нас же сегодня второй день седмицы? Он приплывает по третьим дням – вот я с ним и отправлюсь в город. Там найду градоначальника, потребую, чтобы меня к нему пустили по важному государственному делу. Он обязан будет меня принять. И я ему сообщу, что знаю о местонахождении черного мага, возьму бумагу о том, что доставлю тебя к нему. Возьму у него двух стражников городской стражи и корабль, отберу тебя у Бранка, привезу в город.

– А дальше? Со мной что дальше?

– Тут вот как будет – тебя осмотрит специальный маг, глава местного зарата магов, даст заключение, что ты и в самом деле маг, да еще и черный. Мне выдадут награду. А ты... ты обязан будешь отправиться на обучение в агару. Ближайшая – в столице. Я вызовусь доставить тебя туда, соответственно – сэкономлю на транспорте. Они должны оплатить проезд до столицы – или на корабле, или на почтовых фургонах. Скорее всего – отправят на каком-нибудь попутном судне. Те рады будут принять пассажиров – почему бы и нет? Деньги лишними никогда не бывают. В общем, так: твоя задача продержаться до тех пор, пока я не вернусь из города с бумагой на препровождение тебя к градоначальнику, и попробуй никого не убить за это время. Даже если очень захочется. Кстати – опиши, что ты чувствуешь? Твой характер сильно изменился с тех пор, как ты стал замечать в себе магические способности? Как ты думаешь – что с тобой произошло? И когда?

– Не знаю, что произошло, – соврал Нед. – Вдруг стал вот таким, каков я есть. Да, характер изменился. Я перестал спокойно воспринимать то, что казалось мне нормальным вчера и позавчера. Я стал раздражительным и легко прихожу в ярость. Ну что еще...

– Еще – резко поумнел, да? – усмехнулся лекарь.

– Откуда я могу знать, поумнел или нет? – недоуменно ответил Нед. – Вот вы можете сказать, поумнели или поглупели за несколько дней? С чем сравнить?

– М-да... точно поумнел, – задумчиво протянул лекарь. – Да где же я встречал такое, где читал? Не могу вспомнить... ты с каким-нибудь магическим предметом не сталкивался? В руки не брал? Не касался? Впрочем – откуда здесь магические предметы, в этой дыре... Да чего гадать – завтра схожу в библиотеку зарада, почитаю по твоей проблеме. Так скорее будет.

– А когда вы приедете? Когда добудете бумагу?

– Ну когда... Смотри, как все будет: завтра прибывает скупщик, обычно он прибывает к полудню. До вечера будет скупать, ночь отдыхать, а утром пойдет в город. В городе к полудню, потом начинаю ходить по инстанциям. Одним днем точно не управлюсь, значит, мне придется задержаться еще на день. И вот после этого дня, утром – отплываю сюда и к обеду тут. И так – через три дня, на четвертый. Продержишься?

– Семнадцать лет продержался, четыре дня уж как-нибудь выдержу, – криво усмехнулся Нед.

Назад Нед летел как на крыльях. В голове билось – вот оно! Наконец-то! Неужели?! Он как будто бы освобождался из-под тяжелой одури, в которой его душа находилась семна-

дцать долгих, трудных, страшных лет. И Нед очень боялся, что все сорвется. Вдруг лекаря удар шарахнет и он помрет по дороге? Вдруг его разбойники убьют, и лекарь не доберется до города? Вдруг... да много чего – вдруг! Кто бы мог подумать, что его жизнь станет зависеть от злобного, неприветливого старика, живущего на краю деревни...

Нед пробрался в свою клетушку, улегся на матрас, набитый соломой, и закрыл глаза, успокаивая дыхание. Перед его внутренним взором плавали картины будущего, которое он никогда не видел, – огромные корабли под белыми парусами, нарядные женщины (они были одеты так, как одеваются селянки, только в яркие, очень яркие – красного и золотого цвета одежды), толпы людей – тысячу или две тысячи человек сразу!

Нед не мог себе представить количество людей большее, чем тысяча или две. Во всем селении Черный Овраг жило две тысячи человек, а он никогда не был ни в одном другом селе. Рассказы Силана о скоплениях народа в десятки тысяч людей были для него бессмыслицей. Силан как-то рассказывал, что на рынке в столице Замара собирались и по двадцать, и по тридцать тысяч людей! Он сам там был, когда его продали работоторговцы. Так что знал, о чем говорил.

В бок ткнулась Нарда, и ее мысли забубнили, как маленькие барабаны:
– *Хозяин! Тепло! Любить. Хозяин – хороший! Любить!*

Нед слегка поморщился – нет, он, конечно, любил свою собачару, но вот это непрерывное бубнение... поспать-то надо когда-то? А тут еще и коровы бубнят... Такое ощущение, будто стоишь в толпе шумящих людей и они – бу-бу-бу, бу-бу-бу!

Нед задумался: как отгородиться от чужих мыслей? Как заткнуть невидимые уши? Долго лежал без сна, пытаясь как-то заглушить гул. Потом вдруг всплыла мысль:

«Надо представить, будто я затыкаю уши пробками! Вот! Беру пробку – раз! В одно ухо. Другую пробку – оп! В другое ухо. Иии... есть! Есть! Получилось!»

Бормотание вокруг Неда стихло, наступило молчание, и такое, что зазвенело в ушах. Казалось, что стало невероятно тихо, несмотря на то что коровы вздыхали, переминались с ноги на ногу и пускали газы.

Забеспокоился – может, потерял волшебную возможность слышать мысли? Это было бы плохо. Он уже привык к тому, что знает тайные секреты окружающих. Человек быстро ко всему привыкает, особенно если это что-то хорошее.

Нед представил, что поднес руки к невидимым ушам, слышащим мысли. Хлоп! Пробки вынуты. И тут же с облегчением услышал бормотание коров и увидел картинку, которую видела Нарда, – убегающий кролик, несущаяся навстречу высокая трава.

Нарда повизгивала во сне и перебирала лапами. Нед усмехнулся и погладил собаку по крупной голове, та сразу проснулась и посмотрела на друга вопросительным взглядом – что, мол, хозяин?

– Спи. И я буду спать, – усмехнулся Нед и, с облегчением воткнув «пробки» в уши, закрыл глаза, проваливаясь в сон.

Утро ничем не отличалось от всех обычных дней. Народ, отгоняющий коров к околице, коровы, задумчиво и тупо разглядывающие хозяев и косящиеся на пастуха. Вот только четверки молодых людей не было, вместо них скот пригнали работники.

Кстати сказать, Нед всегда удивлялся, почему это его мучители сами пригоняют коров в стадо, почему этим не занимаются работники? И только потом, слушая их мысли, узнал, что они стараются вырваться из дома на волю – поохотиться, искупаться в море, побездельничать под благовидным предлогом. Знали об этом родители парней и девушки или нет – Неду было неинтересно. Может, и знали. Скорее всего – знали.

Громыхая боталами, стадо потянулось из деревни, и Нед с видом военачальника посмотрел на спины коров. Иногда он представлял себе, что ведет не стадо, а воинскую ватагу на

завоевание чужих земель, и вот он, вождь, стоит позади всех и мановением руки направляет своих воинов вперед, на завоевание чужеземцев.

Слава богам – бубнение, которое он убрал ночью, так и не появилось. «Пробки» держались крепко, и теперь он мог не слушать это демонское стадо, донимающее его своими мыслями. Впрочем, как и человеческое стадо, с их грязными секретиками и гнусными мыслишками. Кстати сказать, после нескольких дней и ночей прослушки он был точно уверен – животные гораздо порядочнее и честнее людей. Хотя, по правде сказать, в этом он был уверен всегда.

– Постой!.. как там тебя? Нед! Постой! – Услышав голос позади себя, Нед оглянулся и тут же узнал мужчину лет сорока пяти, с густой русой бородой, уложенной «лопатой» для солидности. Староста. Отец Салли.

– Я слушаю вас, господин староста, – сумрачно ответил Нед, краем глаза наблюдая за уходящими коровами, – только мне нужно за коровами идти, иначе мне шкуру попортят, если хоть одна пропадет.

– Успеешь, – жестко сказал староста, впившись глазами в парня. – Скажи, что у тебя было с Салли? Имею в виду – о чем ты с ней разговаривал? И с парнями? Все показали, что они все тебя ненавидели и всегда били, как представится такая возможность. Так расскажи – когда ты видел их в последний раз? Что ты знаешь об их странном поведении? С чего они заболели? Лекарь не смог их вылечить.

– Вы смеетесь над жалким пастухом, – криво усмехнулся Нед. – Вы такие образованные, важные люди, и не смогли понять, что случилось с больными? А почему вы тогда спрашиваете меня, убогого?

– Что-то не нравится, как ты мне отвечаешь, – скривил губы староста. – Для раба-пастуха ты слишком дерзок! И речь слишком правильная... Кто тебя учил говорить?

– Раб Силан. Только я не раб, если не забыли. Я же приемный сын Бранка. И рабом никогда не был. Что касается вашей дочери и парней – ничего не знаю о них и знать не хочу. Извините, мне нужно работать.

Нед поклонился старосте и быстрым шагом пошел за коровами, сопровождаемый мыслями старосты:

«Врет, сука! Ребята его постоянно шпыняли, это все парни деревни показали! Они все его ненавидели! И я тоже тебя, тварь, ненавижу! Ардовский ублюдок! Проклятый народ разбойников! Что-то скрывает, это точно. Надо присмотреть за ним – куда ходит, что делает, не было ли рядом с ним каких-то странных событий. Может, его сразу взять, попытать хорошенько – он чего-нибудь и расскажет? Можно бы... только не хочется с Бранком отношения портить – он хорошие деньги получает за пастуха, жадная тварь. Его брат в городе работает, в департаменте земельных отношений, может нагадить, когда буду оформлять в магистратуре землю под поля. Нужны точные доказательства, что ублюдок ардов причастен к неприятностям с ребятами. Может, он им подсыпал чего-нибудь? Яду или еще какой-нибудь гадости? Только как он это сделал? Надо все обдумать...»

* * *

День тянулся и тянулся. Коровы пережевывали жвачку, отдыхали в тени деревьев, а Нед следил за ними и думал – куда заведет его эта дорога? Что с ним будет? Раньше он знал точно, что делать и что не делать, а сейчас что? Тупая животная жизнь его точно теперь не устраивает. Стоп! А почему не устраивает? Устраивала раньше, а теперь? Что случилось? Что, он и правда стал умнее? Хм-м-м... вероятно, все-таки – да. Он стал четче формулировать свои мысли, стал понимать такие вещи, о которых раньше даже и не задумывался. Например – с какой стати он в таком униженном положении по отношению к другим людям? С какой стати? Чем он

это заслужил? Своим рождением? Раньше его поддерживала мысль о том, что в следующем перерождении, возможно, он станет богатым и уважаемым человеком, искупив свою вину в этом воплощении. Вот только кто сказал, что оно, это воплощение, будет? Кто видел тех, заново воплотившихся? Если они не помнят прежней жизни, кто сказал, что они воплотились? Может, и нет ничего такого – умер, и все, превратился в прах? Может, перерождение – сказка для таких, как Нед, чтобы они не бунтовали, исправно работая на тех, кому повезло в жизни? Неизвестно. Но новый Нед, поумневший, склонялся именно к этой версии событий.

Его раздумья прервали чьи-то голоса. Нед вздрогнул, очнувшись от полудремы полуденной жары, и вскочил на ноги, оказавшись перед несколькими крепкими мужчинами с дубинками и арканами в руках. Он тут же узнал в них работников старосты – ловцов жемчуга, рыбаков, плотников. Мужчины молча стояли за спиной своего хозяина, ожидая команды, и та тут же последовала:

– Взять его! Хватайте!

Мужчины двинулись вперед, окружая Неда со всех сторон. Он дернулся в одну сторону, другую – десять мужчин окружали его кольцом, и выхода не было.

Нед с досадой подумал о том, что, если бы он не заткнул мысленные «уши», он бы услышал приближение парней заранее и успел бы подготовиться, но больше времени подумать у него не оставалось.

Пролетевшее по воздуху лассо едва не захлестнуло его шею. Нед уклонился, схватил за веревку и сильно дернул к себе. Мужчина подлетел к парню, теряя равновесие, и тот коротким тычком ударил кулаком в кадык противнику. Человек хрюкнул и осел как подрубленный.

Удар палкой ожег плечо, и оно онемело. Следующий враг получил удар в пах такой силы, что потерял сознание.

Дальнейшие события не отложились в голове Неда – он бил, рвал, выдавливал глаза, разрывал рты – брызгала кровь, хрустели кости, стонали люди. Завизжала собака – Нарда ворвалась в центр драки на помощь другу, полосуюя врагов острыми зубами, и кто-то ударил ее ножом. Собака свалилась, подергиваясь и пуская кровь сквозь щелкающие в агонии зубы.

И тогда Нед, тело которого действовало уже без его участия, озверел. Ранее он бил, как механическая кукла, уворачиваясь, отбиваясь и нанося удары так, как если бы он бил в бездушных кукол, желая лишь, чтобы они оставили его в покое. Теперь – он убивал. Каждый его удар калечил, а следующий был добивающим. Он упивался кровью боя, а в глубине души таилась боль: Нарда! Бедная собачка! Она умерла, любя его. Последнее существо в этом мире, которое его любило и которому он был дорог. Так ради чего жить этим тварям? Почему они должны жить, когда умер тот, кто ему дорог?

Последним умер староста. Нед переломил ему шею, а перед этим сломал позвоночник ударом в спину, когда тот пытался спастись бегством.

Когда все закончилось, Нед молча постоял над обезображенными трупами несколько минут. Сколько стоял – он не запомнил. И вообще – все казалось таким далеким, таким странным и нереальным, как будто это был сон. Затем очнулся – Нарда!

Нед бросился к собаке, прижался ухом к ее боку – бесполезно. Она была мертва. Нед встал перед ней на колени, закрыл глаза и постоял, как когда-то стоял перед могилой Силана. Затем поднялся и посмотрел туда, где лежали трупы его врагов. Смотреть пришлось всего секунду – после того, как он понял, что наделал, его вырвало бурным фонтаном, выбив из желудка ту нехитрую еду, что он забросил час назад. Позывы рвоты не прекращались еще долго – может, это была нервная перегрузка, а может, физическая... не каждый день ведь убиваешь десять человек голыми руками.

Нед, будто не веря своим глазам, поднял свои мосластые руки и стал рассматривать их, как в первый раз. Руки как руки. Костяшки сбиты, синяк – сюда попала дубинка одного из нападавших. Здесь небольшой порез – выбивал нож из руки здорового плотника. Кровь,

ссадины. Больше ничего. Как он сумел победить целую толпу народа, да еще голыми руками? Он, простой парнишка, пастух? И что больше всего его поразило – когда убивал, испытывал острое наслаждение. Такое, будто... будто... с женщиной был. Да! Как будто был с женщиной. И только когда наваждение спало, разум отказался воспринять происшедшее. Отказался поверить своим глазам.

Нед уселся на камень и тупо уставился на трупы. Что делать? Ну что делать? Ему хотелось плакать – ведь в сущности он был простым мальчишкой, обиженным судьбой. Что он мог противопоставить обстоятельствам, кроме разума? А разум говорил ему: беги. Беги отсюда, и как можно быстрее! Это смерть! Что еще может быть, какое наказание за убийство старосты села? За убийство десяти человек? Особенно если ты безродный изгой!

Повернувшись, Нед пошел к трупу собаки. Поднял Нарду на руки, отнес ее в лощинку и стал копать для нее могилу – прямо руками, помогая себе обломком сухой ветки, подобранным под большим деревом. Копать было легко – земля в низине рыхлая и слегка сыроватая, сладко пахла прелостью и грибами.

Выкопав яму глубиной до колена, Нед в последний раз погладил собаку по крупной лобастой голове и осторожно, будто боялся причинить боль, положил Нарду на дно могилки. До боли закусив губу, посмотрел вниз и, отвернувшись, решительно двинул кучу вынудой земли своими сильными руками. Через несколько минут на месте могилы встал небольшой холмик, который после первого дождя сровняется с землей. Больше Нед не мог ничего сделать для своего друга.

Парень посмотрел на солнце – оно было уже высоко. Полдень. У него было несколько часов до заката, чтобы убраться отсюда как можно дальше. Пока они поймут, что Нед со стадом не пришел в означенное время, пока пустятся на поиски – а там он уже отойдет так далеко, что найти будет трудно. Если только с собаками... Но это, скорее всего, будет уже утром. Так что ему предстоит долгий путь. Куда? В город, конечно, куда же еще?

Поразмыслив минуты три, Нед решительно подошел к трупам и стал обшаривать карманы и пояса. Улов был не очень-то богатым – кто в деревне носит с собой много денег? Так, на кружку пива... да и то редко. Днем пьют только бездельники. Для питья есть вечер и праздники.

Всего из карманов покойных Нед выудил десять медяков, пять серебряных пулов и... все. Ни перстней, ни цепочек, ничего ценного. «Деревенщины!» – сказал бы ворчливый лекарь.

Два хороших ножа длиной с предплечье Неда, такие острые, что можно бриться. Таким Нед время от времени, обрезаясь и ругаясь, соскребал свою юношескую поросль, еще не совсем окрепшую, но густую, как болотный камыш.

Прикинув на руке, Нед выбрал один, выглядевший подороже и поудобнее лежавший в руке. Видно, что не рядовой клинок. Такие обычно имели при себе ловцы жемчуга – вдруг запутается в старых сетях, да и отбиться от морского чудовища можно. Акулы редко, но заплывали к этим берегам.

Выбрав одного парня, ростом схожего с собой, раздел его, сняв с него хорошую, добротную одежду и крепкие, почти не ношенные мягкие сапоги. Одежда была слегка испачкана кровью, но Нед отнес ее к ручейку и аккуратно застирал эти коричневые пятна.

Посмотрел и удовлетворенно цокнул языком – хорошо отстиралось. Скинул свою одежду и бросил на месте, не скрывая. А что толку скрывать? Любой сведущий в следах охотник, осмотрев место происшествия, без труда установит, что тут случилось. Чего тогда время терять?

Монеты сложил в кошель, снятый с пояса старосты. Кстати, серебряные пулы были оттуда, из этого кошеля.

С досадой подумал о том, что нет времени вернуться за котелком и кучкой спрятанных возле него жемчужин – их там было штук пятнадцать, ровные, розовые, каждая с ноготь величиной. Силан говорил, что за каждую можно выручить не менее десяти золотых, а то и больше.

В Черном Овраге каждый разбирался в жемчуге, даже последний из последних раб или безродный найденыш. Жемчуг был основным хлебом деревенских жителей. Все остальное – рыбалка, поля, засеянные рожью и овсом, коровы с их молоком – это все было вторично, для поддержания штанов, как говорил старый раб. Главное – жемчужные плантации, которые сотни, а может, и тысячи лет грабили селяне.

С точки зрения раковин – грабили. А с точки зрения людей, это было вполне приличное дело. При удаче ловец жемчуга мог с ходу заработать себе на дом, подняв с глубины пятнадцати сантов несколько крупных жемчужин. Впрочем, о такой удаче здесь давно не слыхивали, и вообще – раковин становилось все меньше и меньше. Ловцы нещадно уничтожали плантации жемчужниц, не задумываясь о последствиях.

По рассказам стариков, как говорил Силан, в прежние времена можно было доставать раковины с жемчугом буквально с глубины санта. Но с некоторых пор все стало меняться – раковины уходили все глубже, и теперь только сильные, подготовленные мужчины и женщины могли достать до дна с вожделенными ракушками. Ныряльщики через несколько лет такой работы приходили в негодность – глохли, заболели болезнью, от которой скрючивало ноги и руки. Говорили, что зараза переходит от ракушек, мстящих ныряльщикам за свою гибель. Но, как говорил Силан, он не верит в эту мистику. Все проще – к болезни приводило ежедневное нахождение в холодной воде, на большой глубине. Причину исчезновения раковин он объяснял тем, что, во-первых, вода и вправду стала холоднее, чем раньше, – и никто не знал почему, а во-вторых, люди так варварски выбивали жемчужные плантации, что ракушки просто не успевали размножаться. Сохранились только те, что жили на большой глубине. Но в холодной глубине нормально размножаться они не желали. Уже поговаривали, что, если так будет продолжаться и дальше, деревню ждет скорый конец – люди разбегутся по другим селам и уедут в город.

С сожалением отказавшись от мысли вернуться за своими сокровищами, Нед натянул второй сапог, встал, потопал ногами по земле и с удовлетворением отметил, что сапоги пришлись как раз по ноге, как на него шили. Пощупал ткань рубахи и легкой крутки – отличного качества! Неброские, но крепкие и не маркие. Как раз для него. Нед никогда не имел таких качественных вещей и с удовольствием ощущал, что первый раз за свою жизнь одет пристойно и даже хорошо. Ну и что, что с трупов? Им-то все равно, а ему жить нужно! Великовато, конечно, но в плечах в самый раз. Зато и не жмет.

Собрал свой старый вещмешок – кресало, трут, сухой мох, завернутый в непроницаемый промасленный кусок кожи, закинул мешок за спину и, оглянувшись на могилку Нарды, пошел по тропе на холм. На убитых им людей оглядываться не стал. Зачем? Пусть валяются. Он не просил их приходиться и набрасываться на него с дубинками и веревками. Пришли его пытаться? Вот пусть теперь и гниют. Ни малейшего чувства раскаяния или беспокойства по поводу убийства людей у него не было.

Глава четвертая

Шаг за шагом, шаг за шагом... тум-тум-тум-тум...

Ноги несли Неда дальше и дальше от того места, где он прожил всю свою жизнь. Через несколько часов быстрого шага, почти бега, он вышел за ту территорию, где бывал, где пас коров. По главной дороге он не пошел – вдоль нее, тропами, а когда и просто по траве. Хорошо, что дождей нет – сухо, чисто, солнце сверкает, ветерок обдувает – шагать одно удовольствие. Ноги работают, а голова мыслит, соображает.

Нед совершенно не представлял, что он будет делать, когда придет в город. Может, попробовать разыскать Сенерада? И как это будет выглядеть? Он ходит в толпе людей и спрашивает: «Не видели Сенерада? Где мне найти Сенерада?» Глупо. Кроме того – с чего он взял, что после убийства десяти односельчан его куда-то там возьмут? Вечером обнаружат отсутствие пастуха, утром пошлют погоню. А может, и в ночь – деньги у Бранка есть, так почему не нанять охотников? А это уже опасно. Охотники – это не деревенские увальни. У них и собаки есть, те, которые идут по следу. Потому надо поторапливаться. Сколько ли в час он проходит? Четыре ли? Пять? Если взять самое малое – идти ему беспрерывно, не останавливаясь, восемь часов. Попадет в город он как раз к утру. Только Силан рассказывал, что городские ворота на ночь закрывают. Где ему все это время болтаться? А если подоспеют охотники? Вопросы, вопросы... вот только деваться ему все равно некуда. Идти надо.

Итак, ради безопасности нужно оборвать все контакты с прежней жизнью. Никакого Сенерада – пропало обучение. Остаются корабли – матросом. Или грузчик в порту. А что – он сильный, мешки таскать и бочки катать – не привыкать. Главное, чтобы не поймали...

* * *

Поежившись, Нед выполз из-под старого баркаса, лежащего на берегу моря у городской стены. Прежде чем туда залезть, он предусмотрительно вошел в воду на расстоянии одного ли от города и прошел по мелководью до самых городских стен, шипя и ругаясь про себя, как грузчик с рыбозасольной баржи – камешки кололи ноги, а в темноте было не разобрать, куда наступаешь. Красная луна уже зашла, ну а черная – само собой, никакого света не давала.

В свете звезд он увидел лежащий вверх дном баркас, вросший в берег, как замшелый камень, и обнаружив между его бортом и прибрежной галькой щель, аккуратно втянул под суденышко свое длинное тело. Теперь можно было и передохнуть. Всю ночь без остановки он почти бежал, уходя от преследования.

Нед не видел преследователей, они были где-то далеко, но он их чувствовал, ощущал всей своей кожей. Они обязательно шли по следу – или он не знал своих односельчан.

Ноги ныли от нагрузки, и мышцы были как ватные. Так-то нагрузка для него не была запредельной, но... больше тридцати ли без отдыха и еды, ночью – это нешуточное дело.

Летом светало рано, так что рассвета дожидаться совсем недолго. И Нед провалился в сон.

Разбудили его яркие, горячие лучи, пробивавшиеся сквозь разошедшиеся доски баркаса. Солнечные стрелы били в глаза, и Нед волей-неволей проснулся, ощущая страшный голод – не ел со вчерашнего дня. Да и что там было еды-то... так, едва утолить голод.

Шелестя круглой белой галькой, Нед вылез из-под баркаса и оглянулся по сторонам. Перед ним сияло море – тихое, штилевое, прекрасное, как улыбка бога. Ворота в город были уже открыты – отсюда, от глухой стены, уходящей в море, было видно, как въезжают и выезжают многочисленные повозки и входят люди, ожидавшие, когда их запустят или выпустят.

Нужно было спешить войти, чтобы затеряться среди толпы, иначе преследователи могут прихватить его возле ворот.

Нед натянул сапоги, поморщившись от боли в натруженных ногах, плеснул в лицо морской воды, стогная сонную одурь, пригладил волосы, сбившиеся в густые, как пакля, пряди, и быстро зашагал к воротам.

Здесь его ждал сюрприз. Через короткое время он стал беднее на два медяка. Оказывается – вход в город был платным. Это сильно расстроило Неда. При его финансах раздавать деньги с такой скоростью он не мог. Ему нужно было еще что-то есть, пока не найдет себе работу и не уберется из Шусарда.

Город встретил Неда шумом, криками, запахом горящих углей жаровен и грохотом окочеванных железом тележных колес по брусчатой мостовой. Везде сновали люди – парня толкали, ругались, что он встал на дороге. Все куда-то бежали, будто их шилом кололи в зад и стегали при этом кожаным кнутом.

После деревенской спокойной жизни Неду показалось, что он попал к демонам. Парень растерялся, и торопящаяся куда-то толпа народа подхватила его и, как бурный поток, играющий сосновой щепкой, повлекла по привратной площади, затолкав затем на главную улицу города, проходящую через его центр. Только минут через десять он опомнился, когда чуть не попал под колеса огромной кареты с лакированными черными бортами и золотым вензелем на боку – кучер с криком и посвистом так хлопнул кнутом, что его кончик пролетел в опасной близости от Недовой щеки. После этого Нед и очнулся от своего ступора, затем, раздвигая плечом прохожих, протиснулся к лотку с пирожками, распространяющими вкусный запах печева на всю округу.

– С чем пирожки? – спросил он у разбитного парня чуть помладше себя, стоящего у жаровни и переворачивающего румяные пирожки на решетке.

– С ливером! – тут же откликнулся тот. – По два медных пула за штуку! Будешь брат? Горячие! Большие! Ливер свежий, не тухлый, гарантирую!

Нед с грустью прикинул свои денежные запасы – с такой скоростью он окажется без денег через пару дней, но делать было нечего – есть-то охота. И через минуту он уже уплетал пирожок, запивая его теплой водой из деревянной кружки с обкусанными краями. Хорошо хоть вода бесплатная, а то бы совсем разоренье. В мгновение ока проглотив пирожки, Нед спросил:

– Слушай, ты не подскажешь, как мне пройти в порт?

– Хочешь наняться на корабль? – прикинул парень, понимающе усмехнувшись. – Почему и нет. Они там всех берут. Только смотри, напорешься на работорговца – живо рабский ошейник нацепят. Они любят ловить бродяг. Так-то у нас запрещено обращать в рабов граждан королевства без решения суда, но... всякое бывает. Доказывай потом, что ты не раб, а свободный гражданин. Кстати, ты что, из ардов? Да ладно, ладно – мне все равно. Такие, как ты, не редкость в наших краях. Ты откуда-то из деревни ведь, да? Деревенским досталось от ардов во время набегов. Они ваших сильно не любят. Арды трахали все, что шевелится, потому их отпрысков осталось у нас немало.

– Так ты скажешь, как пройти в порт? – начал сердиться Нед, пытавшийся вставить хоть слово в бурную речь словоохотливого парнишки.

– Да как... идешь вот по этой улице, она называется Королевская улица, приходишь до храма Динаса и поворачиваешь направо. Идешь до конца, пока не упадешь с пристани. Вот это и будет порт! – Парень рассмеялся и стал громко кричать, предлагая пироги.

Нед постоял, переваривая информацию, и пошел дальше, туда, куда сказал парень.

Входя в город, Нед выключил свои «уши», подозревая, что не выдержит бормотания мыслей такого количества людей. Теперь, отойдя от парня, он решил попробовать послушать, о чем думают окружающие. Включил «уши» и... чуть не потерял сознание! Такого количества мыслей, бьющихся в черепную коробку, он не слышал никогда, даже когда стоял посреди стада

скота в полторы сотни голов. Коровы что – они тихо бубнили себе простые мыслефразы, касающиеся их простых желаний – есть, пить и все такое прочее, а люди, люди – это было нечто! Их мысли превратились в сплошной рев, громкий, на разных тональностях, такой слитный, что среди этих мыслей с трудом различались отдельные слова. Нед продержался минут пять, а потом с облегчением отключил сверхчувствительный слух. Бормотание сразу пропало, и ему показалось, что на улице стало совсем тихо, настолько тихо, будто он стоял не в центре оживленного города, а где-нибудь на холме возле Черного Оврага.

Вспомнив о деревне, где промучился семнадцать лет, Нед заторопился, оглябая прохожих и стремясь скорее добраться до места назначения. У него было такое чувство, что вот-вот он услышит лай собак, идущих по его следу.

Порт открылся минут через двадцать, когда Нед уже начал сомневаться, туда ли идет. За высокими домами не было видно моря, тем более что улица вначале шла на подъем. Однако скоро дорога резко направилась вниз, и через прогалы между развесистыми тутовыми деревьями показалось море и корабли, стоявшие у причалов и на рейде.

Нед вприпрыжку пошел к причалам, почти срываясь на бег, и через пятнадцать минут вышел на портовую площадь.

Что тут творилось! Сновали толпы грузчиков, лошади, напрягаясь, тянули огромные возы с мешками и бочками, ходили разносчики с закусками и напитками, вперевалку прогуливались моряки, одетые в разнообразные ярчайшие одежды, а с ними заигрывали девицы, наряженные так откровенно и вызывающе, что в селе Неда их давно бы посекали кнутом за такое поведение.

Силан рассказывал Неду о городах, но одно дело слушать, а другое – видеть все это воочию.

Нед снова немного растерялся и решил пока постоять в стороне и понаблюдать за происходящим, чтобы определиться – куда же ему все-таки пойти? Раньше казалось все так просто: стоит корабль – подошел, предложил свои услуги. С корабля радостно – да! Да! Нам нужен матрос! Конечно, полезай на борт! И поплыл Нед в дальние края, куда глаза глядят...

Действительность оказалась сложнее. А вдруг и правда вместо должности матроса он получит рабский ошейник? Вот как среди этих плавучих «домов» определить тот корабль, который ему нужен? По каким признакам?

Нед стал внимательно рассматривать суда, стоящие у причала.

Кого тут только не было – огромные пузатые купеческие судна с тремя и даже четырьмя мачтами, возвышающимися над остальными, как горы над зелеными холмами, юркие суденышки скупщиков жемчуга, стройные корабли дальнего плавания, отличающиеся скоростными обводами и пригодные как для торговли, так и для военных операций.

Суда стояли вдоль длинного причала, и ряд кораблей терялся где-то за изгибом порта. Но и того, что видел Нед, хватало, чтобы внушить ему почтительное уважение к увиденному. Корабли, вожаденные корабли! Как бы он хотел, чтобы эти красавцы унесли его подальше от прежней жизни...

Нед вздохнул и сосредоточился на размышлениях о пригодности корабля для его целей. Для себя решил – корабль работорговцев должен иметь какие-то отличительные признаки, и скорее всего это будут вот те корабли дальнего плавания, способные пересечь расстояние от материка до материка. Ведь им нужно плыть быстрее, пока рабы не перемерли в трюмах, существуя в нечеловеческих условиях.

Со слов старого раба, после того как такой корабль пристает к причалу, с него сходят лишь семь из десяти рабов, захваченных где-то в дальних краях. Остальные умирают по дороге от дурных условий содержания.

Итак, нужен купеческий корабль, перевозящий грузы. Вон как тот здоровяк с тремя мачтами, чертящими облака.

Нед встал, потянув за собой тощенький вещмешок, и направился к «купцу», стоящему от него шагах в пятистах. Он прошел мимо группы грузчиков, живо обсуждающих что-то очень для них важное, мимо небольшой будки, в которой сидел человек в форменной одежде – такую Нед видел на людях с заходивших в деревню королевских судов, миновал стайку девиц, окинувших парня внимательным взглядом, и внезапно остановился как вкопанный. Затем подался назад, дойдя до будки с человеком в мундире, встал возле нее и пристально посмотрел на причал, где стоял «купец». Точно! Они. Люди из деревни – трое охотников и Бранк.

Нед низко опустил голову, стараясь, чтобы его никто не узнал, сделал шагок за будку и снова поглядел на причал. Бранк что-то говорил низенькому толстому человеку с надменным лицом, видимо, хозяину судна. Тот кивал головой, и Бранк с сопровождающими его мужчинами пошел по причалу дальше, до следующего корабля.

Нед с досадой понял, что происходит. Этого и следовало ожидать. Куда кинется беглец в первую очередь? В город, конечно. А куда в городе он бросится, чтобы убраться из этих мест? В порт или туда, где собираются караваны купцов. Нед был уверен, что сейчас возле караванщиков тоже ходят люди Бранка и предупреждают, чтобы караванщики не брали сумасшедшего убийцу, который сбежал из их деревни.

Бранк приближался, и Нед повернулся спиной, чтобы тот невзначай не раскрыл местонахождение беглеца. Повернувшись спиной к причалу, оказался лицом к лицу с человеком в форме.

– Что, парень, хочешь завербоваться? – спросил тот жизнерадостно. – Нашему королю нужны крепкие парни! Давай, давай – сразу получишь два золотых, а потом – по золотому в неделю! Плюс питание, форма! Попутешествуешь по миру, увидишь дальние края, повоюешь за своего короля, наказав супостатов, осмеливающихся претендовать на Масурские острова! Морская пехота – что может быть почетнее, что может быть круче? Ты был никем! А станешь – черным демоном, которого боятся все враги! И нам безразлично, если за тобой тянется хвост проблем или даже преступлений – вступив в армию, ты становишься частью нашей большой семьи, и никто не сможет тебя обидеть! Ты сам будешь всех обижать! Ну что, надумал? Нужно только поставить отпечаток пальца вот тут и выпить кружку «отходного» пива, и ты уже морской пехотинец, гроза морей и берегов! Согласен?

– А точно, что всем будет все равно, откуда я и кто я такой?

– Все равно! – радостно выдохнул вербовщик. – Как тебя звать?

– Нед... просто Нед, – растерянно ответил парень.

– А второе имя?

– Нед... Черный. Ага – Черный Нед.

– Хорошо! Великолепно! Так и запишем – «Нед Черный». Ставь вот тут отпечаток... ага, макай палец... та-а-ак... вот тут. Есть! Молодец! На-ка, бери кружку! Пей!

Нед осторожно понюхал кружку с пахнувшей солодом жидкостью и осторожно влил в себя ее содержимое. Пиво как пиво... И тут он решил включить «уши». Слегка поморщился от ударившей какофонии мыслей и не без труда выловил размышления вербовщика. Тот с усмешкой смотрел на Неда и думал:

«Интересно, сколько этот увалень простоит на ногах? Парень крепкий, может продержаться минут пять... надо будет запереть пока его здесь и сходить за капралом. Одному, что ли, надрываться? Парень молодой, но вон какой здоровенный, мосластый. Мослы – они весят больше, чем жир. Вот и еще золотой премиальных у меня в кармане. Неплохо сработал за эту неделю. Но не самая лучшая неделя в этом году... ага... началось!»

У Неда внезапно помутнело в глазах, и ноги отказались его держать. Он мягко повалился на руки подхватившего сержанта и недоуменно посмотрел в его лицо стекленеющими глазами.

– Извини, рекрут, такие правила, – сказал тот. – Положено вас глушить, пока не поднимем на борт корабля. А то вы ведь чего повадились – взять два золотых – и в бега! А кто будет

подыхать за здоровье нашего короля? Кто будет воевать, если все разбегутся? Теперь ты наш. А твои золотые никуда не денутся, не сомневайся! Все будет в порядке. Вот я кладу их тебе в кошель. Спи, завтра проснешься бодрый, как заново родился. Уже солдатом. И тогда поспать тебе не придется... отсыпайся сейчас.

Веки Неда окончательно захлопнулись, и он потерял сознание.

* * *

– О! Наш мертвец проснулся! – Голос гремел в ушах, и Нед с трудом раскрыл глаза, пытается понять, откуда этот голос идет. Голова страшно болела, перед глазами вертелись красные и белые пятна, и Нед еле-еле сфокусировал взгляд на том, что он видел.

Огромное помещение. Просто преогромное. Если сюда загнать все население деревни Черный Овраг, так еще и место останется. И везде – люди. Лежат, ходят, сидят – и бубнят, бубнят, бубнят...

Голоса летят отовсюду, роятся в воздухе, сливаясь в шум и рев, похожий на шум морских волн. Не сразу Нед сообразил, что слышит и мысли, и живые голоса мужчин. Да, все, кто тут был, были мужчинами. Сотни, а может быть, тысячи мужчин.

Пришлось отключить восприятие чужих мыслей, иначе просто невозможно отличить мысли от слов, а Нед совершенно не испытывал желания выдавать свои способности. Зачем ему лишние проблемы? Он намерен как можно дольше изображать из себя простого парня, пока не уберется далеко-далеко, туда, где его никто никогда не достанет. Нет – не на тот свет. Нед категорически не желал дать себя убить и намеревался продержаться в этом мире максимально долго. И увидеть гибель своих врагов. Ну – такой зарок он себе дал. Каких врагов? Хмм... Бранка, наверное. Зачем он бил Неда, унижал? Еще кого? Тех парней, которые хотели его покалечить... Впрочем, они и так наказаны. Нет худшего наказания, чем потерять разум, стать овощем. Лучше смерть. Кого еще?

Нед так и не придумал, кто же является его врагами, и, решив отложить это на потом, обратил внимание на своих соседей.

Тот, кто удивился его пробуждению, сидел рядом, скрестив ноги в пятках и положив руки на колени. Его глаза были закрыты, и он как будто молился.

– Эй, ты чего делаешь? Спишь, что ли, так? – осторожно осведомился Нед.

– Не мешай. Я набираю силу цу через мои канкры, – тихо ответил парень, не открывая глаз и не меняя положения тела.

– Откуда ты ее набираешь, эту самую цу, и чего за канкры такие? – не отставал Нед. Ему было ужасно любопытно то, что происходит вокруг, и Нед собирался выяснить все досконально. Он помнил, что вербовался в армию, помнил, как пил пиво из кружки вербовщика, помнил, что вербовщик что-то ему говорил... а потом ничего не помнил. И где находится – тоже не понимал. Дом? Корабль? Скорее всего – корабль. Слышно, как волны бьют в борт, и слегка качает. Вот только странно – качка была слабой. Стоят на месте? Нед бывал на суденышках, которые приходили в их деревню. Так те дрыгались от каждого дуновения ветра, а тут – будто привязали это судно. Такое большое, что и не качнет? У Неда даже дыхание захватило от того, что он представил – КАКОГО размера должен быть этот корабль.

– Деревенщина! – сварливо ответил парень. – Болван! Разве ты не знаешь, что нельзя прерывать мастера уацу, когда он подключается к Вселенной? Идиот!

– Че-го мастер?! – не понял Нед. – Чего ты там мастеришь? А за идиота и получить в лоб можно вообще-то!

– От кого, от тебя, что ли? – весело усмехнулся парень. – У меня тарк в уацу! Ты бы придержал язык, пока я его не вырвал!

– Эй, ты бы не цеплял Ойдара. Он и правда может тебе накостылять, – громко сказал парень слева от Неда, роющийся в своем мешке. – Он уже двоим морды расквасил, и притом – сразу обоим. Уацу – это такое искусство боя. Люди годами этому учатся. А потом делаются непобедимыми. Они вроде как набирают силу цу из пространства Вселенной, а потом вкладывают его в свое тело через дырки, делаясь непобедимыми. Не знаю, что за дырки и где, только их называют канкары, что ли...

– Канкары, дурак! – фыркнул Ойдар. – А в остальном все правильно.

– И чего ты всех дураками да идиотами кличешь? – возмутился Нед. – Сам-то, умный, что ли?

– Уж поумнее вас, деревенщин! – презрительно ответил парень и снова закрыл глаза.

– Не связывайся, – снова шепнул сосед, и Нед увидел, как на губах Ойдара появилась усмешка, – ну его к демонам. Он дурной, покалечит еще. Наглый парень. Плохо закончит, это точно.

– Это ты плохо закончишь! – взвился Ойдар. – Сейчас я и тебе глаза подобью, увалень тупоголовый!

– Слышь, придурок, – холодно сказал Нед, – не трогай его! Ты такой же, как и все мы, и не строй из себя важного человека! И я не вижу перед собой умного. По-моему – ты наглый болван. Тупой, как овца. Умный человек не стал бы бросаться на всех и кичиться своей силой. Особенно перед незнакомыми людьми.

– Ах ты тварь! – Ойдар встал с места, двигаясь, как змея, и навис над Недом. – Вставай, деревенщина! Я не хочу бить лежачего! Но тебе надо преподать урок, наглый селянин!

– Сейчас, – кивнул головой Нед и, нарочито кряхтя, поднялся на ноги. – Погоди только, я накачаю себе силы через дырку. Она у меня одна, и оттуда только выходит, а не входит, ну а вдруг? Дырка есть, и сила в нее может налезть! Как ты там делаешь? Глаза закрываешь и пыхтишь? И я так хочу. Силы.

– Ха-ха-ха, – внезапно раздался смех. Нед поднял глаза и обнаружил, что вокруг стоят десятки парней и мужчин, с любопытством наблюдающих за происходящим между Недом и молодым наглецом. Видимо, собеседники разговаривали очень громко, потому окружающие и заинтересовались. Делать-то все равно нечего, так что почему бы и не поглядеть?

– Смеяться, надо мной?! – Ойдар покраснел и закусил губу от сдерживаемого гнева. – Проклятый деревенщина! И вы, тупоголовые! Никто из вас не простоит в бою со мной и десяти ударов сердца! Бьемся, деревенщина! Я тебя покалечу, тварь, за насмешки над мастером уацу!

– Интересно, – задумчиво протянул Нед, – за что тебя выгнали из школы боя – не за то ли, что ты не умел сдерживать свои чувства?

Ойдар вздрогнул и широко раскрытыми глазами посмотрел на Неда, а потом... потом напал на него. Мгновенно, безжалостно, нанося удары по самым уязвимым и болезненным точкам. Похоже, что он решил не церемониться с наглым деревенщиной. Вернее, Ойдар хотел не церемониться, хотел нанести удары, но...

Нед мягко пропустил его правую руку с яростно сжатым кулаком мимо себя, встретив ее кошачьим движением «лапки», мгновенно захватил парня за шею, развернув вдоль оси, и, опускаясь на колено, загнул его так, что сделай еще движение, и шея Ойдара хрустнет, сломается, как сухая ветка. И при этом правая рука парня была заблокирована правой рукой Неда, а голова с выгнутой шеей лежала под мышкой «деревенщины».

Нед действовал совершенно неосознанно, как тогда – убивая своих односельчан. И лишь когда оставалась доля секунды до момента, когда раздастся сухой хруст позвонков, Нед с трудом взял себя под контроль и остановился, глядя на толпу, жадно рассматривающую драку.

После этого сложного финта Неда они зашумели, стали хихикать и показывать пальцами на парней, слившихся в едином порыве, как влюбленная парочка. Начали свистеть и говорить гадости, радостно хлопая себя по ляжкам.

Нед посмотрел в напряженное, с вытаращенными глазами лицо Ойдара и четко сказал, оглядываясь на зрителей:

– Разошлись. Разошлись, я сказал! Ничего интересного нет.

Его голос был сухим, жестким, а глаза излучали такую силу, что люди осеклись и, негромко переговариваясь, стали расходиться по своим местам. Нед снова посмотрел в лицо Ойдара и негромко сказал:

– Я тебя сейчас отпущу, но пообещай, что ты больше не будешь никого оскорблять и вести себя так нагло. Хорошо? Договорились?

Ойдар мелко затряс головой в знак согласия, и Нед осторожно положил его на пол рядом со своим тюфяком. Потом снова Нед лег на свое место и уставился в потолок, закинув руку за голову и не обращая внимания на соседей.

Он чувствовал себя очень странно после этих событий. Опять – как будто какая-то сила управляла его телом. Помимо его воли, помимо сознания. Будто кто-то смотрел сквозь его глаза и взял управление над телом в тот момент, когда это стало нужно. И Неду это очень, очень не понравилось. А кому понравится ощущать себя безвольной игрушкой? Только не тому, кто был таковым семнадцать лет подряд.

– Здорово ты его! – шепнул сосед. – Меня звать Арнот. Давай вместе держаться? Ты сам откуда? Ну... можешь не отвечать, – слегка испуганно продолжил он, – мы все тут по разным причинам, и многие не хотят выдавать свои имена и откуда они родом. Тебя как звать?

– Недом, – нехотя ответил парень и, повернув голову, рассмотрел собеседника. Это был обычный деревенский парень, каких десятки и сотни в любом селе. Натруженные руки, крепкие плечи, изношенные башмаки и аккуратно заштопанная одежда – обычный парнюга. Какого демона он делает тут? А что он, Нед, делает тут? Послушать его мысли? А зачем? Что он может узнать у него или у этих парней? Их грязные тайны? Их потаенные желания? Зачем? Что это даст? «Абсолютно бесполезное умение, – тихонько вздохнул Нед, – лучше бы умел наколдовать себе еды. Ел-то давно, и всего два пирожка».

Как будто откликаясь на его мысли, живот издал такое громкое бурчание, что было слышно, вероятно, от борта до борта. Арнот хмыкнул, услышав этот звук, и, пошуршав мешком, протянул Неду кусок лепешки, на котором лежал кусочек копченого мяса:

– На, ешь. Ешь, ешь – у меня еще есть. Нас будут кормить, когда мы прибудем на базу пехотинцев, а пока придется обходиться тем, что у нас есть. Я заранее запасаю едой на берегу. Мне сосед, солдат-инвалид, рассказал все, как оно будет, так что я как следует подготовился. Вода вон там, в баке. И кружка там. Только не советую пить из общей кружки. Мало ли кто откуда пришел – еще заразу подцепишь. Моя семья так померла – отец откуда-то заразу привез, с купцом плавал. Мы все и заразились. Сестра померла, потом мать... отец... а я как-то выжил. Моровое поветрие, говорят, было. Дом сожгли, вещи сожгли. Гольшом остался. Ты не бойся – это давно было. Лет пять как. Я мыкался, мыкался... нищенствовал... работал... а потом решил – чего мне терять? Пойду в солдаты. Тут кормят, одевают, обувают. Пять лет отслужишь – и гуляй себе. Можно капитал сколотить. А можно еще и слегка пограбить – когда будем чужие города брать.

– А можно и... чего там твой сосед-инвалид потерял? Вот то и потерять, – раздался справа знакомый голос, слегка хриловатый после того, как Нед помял гортань его обладателя.

– Ногу потерял, – неохотно ответил Арнот и отвернулся от Ойдара.

– Во-во, – кивнул головой Ойдар, – так и будем уродами, если будем вообще. Закопают где-нибудь на Масурских островах, и черви съедят. Инвалид хоть живой...

– А ты-то зачем тогда пошел в солдаты? – спросил Нед, проглотив последний кусочек лепешки, и, аккуратно собрав крошки, кинул их в рот под пристальным взглядом Ойдара, поморщившегося от такого явного проявления деревенского происхождения: вроде как все знаешь – что тебя сюда заманило?

– У всех свои проблемы, – неохотно пояснил Ойдар и, вздохнув, решился: – Прав ты был, когда сказал, что через мою невыдержанность все мои проблемы. И нечего так улыбаться, Арнот!

Помялся с минуту и продолжил:

– Да, я мастер уацу. Почти с младенчества учили. В Шусарде хорошая школа. Отец всегда считал, что я должен уметь постоять за себя. Он был стражником. Убили. Никто не знает – кто. Видимо, те, кому он мешал. Ночью шел домой – пустили стрелу из лука. Наповал. Мне было тогда десять лет. Вот после его смерти все и пошло вразнос... денег нет, проедали последнее, что было. Мать стала шить на богатых, но хватало не очень. У меня в школе боевых искусств хорошо шли дела, я способный. Мастер заметил это и позволил бесплатно заниматься, когда я ему рассказал, что на школу больше нет денег. А потом – я стал помогать ему тренировать других. Все бы ничего... но мой характер... А к нему добавить умение убивать... Они сами до меня докопались, сами! – Ойдар яростно ударил кулаком по колену. – Мне бы уйти, не ответить, а я... В общем, один умер, а двое других долго еще пролежат в постели. Все бы ничего, но тот, что умер, родственник городского головы. А его друзья – из самых уважаемых семей города. Стражники, расследовавшие дело, предупредили мать, чтобы я быстро смывался – и до суда не доживу, если меня посадят в темницу. Вот я и здесь. Теперь – я никто. Армия не даст меня в обиду. Армия сама меня обидит. Тебя Нед звать? Ага. Скажи, Нед, – Ойдар внимательно посмотрел на парня, – как ты меня смог уложить? Как называется этот стиль боя? Я никогда его не встречал вживую. И еще – спасибо тебе.

– За что? – недоуменно вскинул брови Нед.

– За то, что не убил, – тяжело вздохнул Ойдар. – Я ведь все-таки мастер, знаю, что был на волосок от смерти. Ты мог убить меня одним движением руки. Хрясь! И все. Конец. Но не убил. А я бы убил. Не выдержал бы. Так что – спасибо.

– Убил бы – самого бы убили, – хмуро бросил Арнот. – За убийство своего товарища, если оно совершено не при защите своей жизни или по приказу командира, – смерть. Повесят, и все тут. Или палками забьют до смерти. Тут это быстро. За кражу у товарищей – палки. За неподчинение приказу – палки. За все палки или смерть.

– А ты откуда знаешь? – недоверчиво помотал головой Ойдар.

– Я же сказал – у меня сосед был, инвалид. Он мне все и рассказал – чего ждать от армии, чего опасаться. Чего надо делать и чего не делать. Так что я все знаю.

– Да-а? Так, может, расскажешь, что и как? – Ойдар изогнул губы в насмешливой улыбке, но Нед чувствовал его любопытство. Парню лет было столько же, сколько и ему, так чего ожидать от мальчишки?

– Может, и расскажу, – солидно ответил Арнот и, помолчав для важности, начал: – Нас привезут на базу корпуса морской пехоты. Потом...

– На чем привезут? – перебил Нед. – Где мы сейчас? Я ничего не знаю. Как хватанул проклятого пива, так тут и оказался. И все. А вас опаивали?

– Кого-то опаивали, кого-то нет, – пожал плечами парень. – Меня – нет. А находимся мы на корабле морской пехоты под названием «Меч возмездия», вмещающем полторы тысячи пехотинцев. Целый полк. Вот, наловили рекрутов по всей стране и везут на базу, где будут из нас делать героев. Полгода будут обучать а потом... потом пошлют туда, куда надо королю. Мы основная ударная сила в борьбе с теми, кто хочет оттяпать Масурские острова. Ну и остальное, что принадлежит королю. Вот, в общем-то, и все.

– И все, – грустно протянул Ойдар. – И – все.

– Ну чего ты ноешь? – холодно сказал Нед. – Ты жив, здоров, умелый боец. Это нам с Арнотом надо волноваться, а ты-то чего так распереживался? И уж если на то пошло – ты знал, куда идешь. Не совсем уж такой деревенщина, как мы с Арнотом!

– Это тебе-то нужно волноваться? – фыркнул Ойдар. – Тебе, уложившему мастера уацу, как ребенка? Ты так и не сказал – что за стиль твоей борьбы? Я читал древний трактат – утерянное искусство древнего боя, называлось оно как-то... хм-м-м... сейчас вспомню... А! Вот! Шанцо. Шанцо оно называлось. И владели им бойцы секты Ширдуан – черные маги, притом демонологи. Они хранили традиции этой борьбы и не выдавали своих секретов никому. Выискивали по всему миру детей, у которых находили способности демонолога, и забирали их к себе – договаривались с родителями, воровали или покупали. Дети исчезали и никогда не возвращались к своим родителям. Никогда. Но бойцами эти маги были непобедимыми. Никогда не использовали никакого оружия, кроме посоха и своего тела, но в одиночку их не мог победить никто. Впрочем – и толпой тоже. Перебили их всех – неожиданно закончил Ойдар и, придвинув свой тюфяк, лег рядом с Недом, глядя в потолок.

– Это как это – перебили?! – фыркнул Арнот. – Если они были непобедимыми? Сказки какие-то. Начитался всякой хрени и сказки рассказываешь.

– Ну ты ду... В общем, не сказки это! – Ойдар покосился на невозмутимого Неда, лежащего на спине и разглядывающего доски потолка. – Перебили их из луков, задавили массой. Сожгли, опять же. Магов на них напустили. И погибла при этом куча народа. На каждого демонолога – не меньше пятидесяти человек полегло, пока их всех не положили. Исторический факт, читать книжки надо! А не глупости говорить! – рассердился Ойдар. – Они даже десятка два магов положили, пока их просто не сожгли «черным огнем» из боевых огненных труб! Блокировали их храм и сожгли! Никто не выжил! А говорят, сокровищ вывезли просто кучу – кораблями возили! Только часть из них погибла, кораблей этих самых, с золотом. Боги наслали бурю, и суда потонули где-то у наших берегов. Вот бы найти то место, где они лежат... Я бы уж нашел применение этим сокровищам.

– М-да... – протянул Арнот, – и я бы нашел им применение. Дом бы большой построил, слуг, работников нанял. Женился бы. Красивую жену бы взял. Детей бы завел. Семью... Я так хочу, чтобы у меня было много, много детей! Чтобы они бегали, шумели, а я никогда их не буду ругать. Пусть бегают. Пусть шумят. Так плохо, когда дома тихо-тихо, тихо-тихо... как в могиле.

Арнот отвернулся, и парни увидели, как его плечи вздрагивают от сдерживаемых рыданий. Потом он успокоился, и Ойдар продолжил слегка изменившимся, надтреснутым голосом:

– В общем, потонули корабли, а сокровища увезли в казну короля. Вот и все. Утеряно боевое искусство черных магов, нет демонологов. А место, где стоял их храм, сровняли с землей. И уже никто не помнит, где оно было, это проклятое место. А прошло с тех пор... я подсчитывал... около тысячи лет. Давно дело было. Так вот – откуда ты знаешь это боевое искусство?

– Отец научил, – нехотя ответил Нед, – и запретил мне об этом говорить.

– Отец? Ты ард – что, у ардов осталось древнее искусство? – недоуменно спросил Ойдар. – Странно. У них как-то не было развито искусство боя голыми руками такого рода. Больше кулачные бои да владение различным оружием. Они специалисты по бою тяжелыми мечами и топорами. Я же все-таки мастер уацу, так что знаю о бое очень много.

– Я же сказал – не хочу об этом говорить. Раз и навсегда тебе говорю – никогда не спрашивай меня об этом. И сразу закончим – не проси учить. Не буду. Лучше расскажи, кто такие демонологи, что они делали и почему король так на них ополчился. Я никогда не слышал о таких делах.

– Никогда? Ты уверен? – недоверчиво хмыкнул Ойдар, следя за невозмутимым, похожим на неподвижную маску лицом Неда. – Ну, как знаешь. Не хочешь говорить – не говори. Ладно. Будем считать, не знаешь. Демонологи – такие черные маги, которые умеют вызывать демонов из того места, где они обитают. Вернее, умели. Искусство вызова демонов утеряно.

– Настоящих демонов?! – востроенул Арнот. – С крыльями? Зубами и когтями? Вот бы поглядеть!

– Не советую. После этого ты бы превратился в фарш, – хихикнул Ойдар. – Нет, не таких демонов. Этих демонов никто не видит. Они невидимые. Но вселяются в человека, и тот заболевает какой-нибудь болезнью. Вот только вылечить его нельзя. Вернее, можно – но только если демона выгонит сам демонолог. Или другие демонологи. Было так: лекарь придет, человек вроде как вылез, но проходит неделя, две – и тому становится еще хуже, так плохо, что он умирает в муках. Проклятия демонологов не лечились ничем, кроме как их заклинаниями. Вот!

– Хорошо, что их сожгли, – вздрогнул Арнот. – Как представляю, что какая-то тварь впирается в меня изнутри, выгрызает сердце, печень...

– Хорошо... – неопределенно протянул Нед. Перед его глазами стояла картина: лекарь Сенерад, сообщающий Антуру, что тот полностью здоров. У парня похолодело в животе, когда он услышал рассказ Ойдара о том, что вылечить проклятого демонологом нельзя. Неужели?! Нет, не может быть. Ни за что!

– Тьфу! У меня даже живот заболел, – притворно ойкнул Ойдар. – Ну тебя, расписал картину! Так вот за то их и поубивали. Они брали заказы на убийство, шантажировали богатых и бедных, вели себя гадко – устраивали жертвоприношения, оргии, богатели и накопили огромные сокровища. Якобы владели древними знаниями и вроде как открыли секрет изготовления золота из других металлов. Мне кажется, вот за то их и грохнули. Не за секреты всякие магические, а больно уж богаты стали. Какой король потерпит рядом с собой таких богатых людей? Когда казна истощена войнами и кутежами... Наши короли никогда не отличались умением бережно тратить деньги. И нынешний, говорят, любит устраивать бесконечные попойки и оргии.

– Кстати, а нельзя поподробнее об оргиях, которые устраивали демонологи... Ну, чего они там делали, зачем и почему... Можно и про королевские оргии тоже... – Арнот не выдержал и прыснул со смеху. Ойдар начал смеяться следом, Нед, и улыбающийся-то редко, неожиданно для себя присоединился к парням и начал хихикать все сильнее и сильнее, пока его тихое хихиканье не переросло в хохот. И вот уже все три парня ржали, зажав животы и пуская слезы из глаз.

Что это было? Истерика? Возможно. А может, просто молодые, здоровые организмы искали себе повод для разрядки, выпуска психической энергии. И нашли.

– Эй, вы, кони! – беззлобно крикнул кто-то рядом с парнями. – Поспать дайте! Ржут, мерзавцы... аж завидно.

– Молодые, чего им, – хмыкнул кто-то с противоположной стороны трюма, – тоже когда-то такие дурные были. Впрочем, и сейчас не умнее стали. Были бы умными – не полезли бы в это дерьмо. За два золотых и кружку пива.

– Да-а-а... – поддержал кто-то издалека. – Сука вербовщик! Выпей, не отравишься! И палец приложил сам! Тварь. Завезут на острова, там нас и кончат. И закопают нас в сыру землю. И на кой черт королю эти острова?! Хоть бы боги их утопили на хрен, все сразу и до конца мироздания!

– Дурак! На островах и золото, и серебро. Черное масло для огненных трубок. Лес. Аборигены – выносливые и сильные. Все там есть! То-то три королевства собачатся за них уже сотню лет. Неспроста ведь.

– Неспроста? А если...

Нед краем уха слушал разговор рекрутов и думал о том, как он крепко попал – со всех сторон попал. Как кролик в силки. И теперь ему надо держать ухо востро – не показывать никаких признаков магии, не давать никому никаких оснований подозревать, что он читает мысли людей. По-хорошему, отказаться бы и от боевого умения – но как он это может сделать,

если тело само делает то, что ему нужно? Хорошо хоть Ойдара сегодня не убил. И, надо признать, с большим трудом прекратил убийство. Его просто тянуло свернуть шею парню, еле-еле остановился. Контроль и еще раз контроль, сказал он себе и удивился: он и словами-то такими никогда не говорил, а уж думать?

Ойдар еще что-то рассказывал о жизни, о боевых искусствах, но Нед больше не слушал. Рассказ о демонологах поразил его. Ясно дело, что он понял, о чем идет речь. Немудрено понять, если являешься тем, о ком тот рассказывал. И это было страшно. На костер Неду очень не хотелось.

Глава пятая

Корабль добирался до места два дня. Два дня взаперти, в спертом воздухе жилого трюма. Время от времени открывались люки, впуская свежий морской воздух, и люди хватали его открытыми ртами, наслаждаясь каждым глотком. К концу второго дня многие стали возмущаться – не рабы ведь, плыть без кормежки столько дней, да еще непонятно куда!

Тогда в люки спустили ящики с тонкими хлебцами, окаменевшими от долгого хранения, и все желающие смогли поесть, размачивая их в теплой воде, пахнувшей тухлятиной.

Команда корабля практически не общалась с рекрутами – то ли считала ниже своего достоинства вести разговоры с таким сбродом, то ли им было отдано распоряжение не общаться – в любом случае они отделялись лишь «да» и «нет», когда загружали ящики в трюм и наливали в бочки «свежую» воду.

Нед довольно легко переносил лишения – его школа выживания была покруче, чем двухдневное сидение в полутемном трюме, освещенном через зарешеченные люки. Ойдар и Арнот тоже не стонали, держались вполне пристойно.

За эти двое суток трое парней сдружились. Это получилось как-то незаметно – через сутки они вместе ели, рядом спали. К ним никто не лез – боялись репутации Ойдара и Неда, уже прославившихся как сильные бойцы. Если бы не они – у Арнота давно отобрали бы его мешок с продуктами, не оставив ни крошки хозяину. Такое происходило сплошь и рядом – драки, ругань, возмущенные крики.

Троица парней не обращала внимания на происходящее – дерутся, и демоны с ними. Главное, их не трогают. А тронут – страдают. Не трогали.

Два дня, две ночи корабль переваливался на волнах, вызывая у своего живого содержимого морскую болезнь, что очень удивляло Неда – он не испытывал никаких неприятных ощущений. Да и с чего? На такой здоровенной штуке да чтобы укачивало? Это же не верткая лодочка, пляшущая на волнах.

Впрочем, и его приятели тоже чувствовали себя нормально. Ойдар все время что-то рассказывал, Арнот его дополнял или рассказывал что-то свое – тоже интересное, а Нед молча впитывал информацию, как сухая губка впитывает воду.

Он наслаждался. Чем? Всем! Спать можно сколько угодно, лежать сколько угодно – никто тебя не пнет, требуя идти работать, никто не обидит – просто потому, что у него плохое настроение. Он среди равных, он уважаем.

Вот только воздуха свежего мало. Но ведь не вечно. Когда-нибудь они все равно приплывут на место.

И этот час настал. Утром, когда рекруты еще продирали глаза после душной, жаркой ночи, корабль ощутимо трянуло – он причалил к пирсу. Еще примерно час ничего не происходило, затем толстые деревянные решетки, прикрывающие люки, открылись, с грохотом упав в сторону, и громкий командный голос прокричал:

– Рекруты, на выход! Быстро! С вещами!

Народ в трюме ломанулся вверх по широким деревянным лестницам. Образовалась давка, вспыхнуло несколько драк и скандалов. Люди рвались к свежему воздуху, вкус которого почти позабыли за двое суток заточения.

Нед остановил товарищей, пытавшихся поддаться общей истерии, и теперь они с удовольствием наблюдали за тем, как люди пробивают себе дорогу на волю. Казалось бы, что такого, если бы те подождали некоторое время – всех ведь выпустят, никуда не денутся! Нет – надо ломиться, надо драться за место на лестнице, сталкивая с нее своих товарищей.

– Такова человеческая натура, – задумчиво сказал Ойдар, глядя, как один здоровяк спихнул с лестницы худого мужика с деревенской котомкой за плечами. – Более сильные всегда

стараются залезть на верхнюю ступеньку, пролезая по головам товарищей. Так говорил мой мастер, и как обычно – он был прав.

– А чего он тебя не откупил? – с интересом спросил Арнот. – Он же вроде достаточно богат?

– Ну как тебе сказать... Кому нужны чужие проблемы. Притом – там речь о деньгах уже не шла. Если бы пострадавшие были простыми людьми, вроде нас с вами, другое дело, а так... Все, пошли и мы, а то рискуем огрести палкой по хребтине за то, что вовремя не вышли.

Парни зашагали к ближайшему выходу и пристроились в хвост очереди последних рекрутов, выходящих из трюма.

Десять ступеней, отполированных ногами тысяч людей, и вот она – свобода! Морской воздух заполняет легкие, солнце блещет в глаза так, что они слезятся и закрываются, будто засыпаны песком.

Нед задерживается на палубе, пытаясь рассмотреть, где он находится, но постоять ему не дают – удар палкой по спине обжигает, как кипятком, и противный сорванный голос громко вопит:

– Вперед! Вперед, скотина безрогая! Бегом, бегом на берег! Хватит бездельничать! Здесь вам не отчий дом – здесь армия, недоноски!

Ругаясь под нос и потирая ушибленные места, рекруты вереницей бегут по трапу на берег и врзаются в толпу тех, кто сошел раньше. Их тут много, так много, что берег кишит людьми. Вокруг стоят солдаты в полном боевом вооружении, в кольчугах, шлемах, с копьями, мечами и прямоугольными щитами на спине. Они с улыбкой наблюдают за столпотворением, переговариваются и отгоняют древками тех, кто пытается приблизиться к ним, чтобы перекинуться парой слов. Видно, что рекруты для них ниже низшего, на уровне червяков или жаб.

– Встали! Встали ровно! Да выровняйтесь, ублюдки вы эдакие! – вопил тот же голос. – Да что же вы за твари такие безмозглые! Хоть бы подобие строя создали! А вы чего лыбьтесь, идиоты? – Человек крикнул солдатам, наблюдавшим за построением. – Сами недалеко от них ушли, дебилы! Встали, встали все! Подтянулись!

Не очень высокий, но крепкий, широкоплечий мужчина в потертom форменном мундире пробежал вдоль рядов рекрутов, выстраиваемых несколькими людьми в таких же мундирах, несколько раз врзал палкой по животам особо непонятливых парней, и наконец – выстроилось что-то вроде квадрата, составленного из дышащих в затылок друг другу будущих боевых товарищей. Разговоры стихали, и над причалом воцарилась тишина, которую прервало цоканье подковок сапог, надетых на мужчину в дорогом мундире, украшенном серебряной вышивкой. Он шел в сопровождении нескольких похожих на него людей, одетых победнее, но тоже отличавшихся военной выправкой – грудь вперед, плечи назад, будто кол проглотил.

– Господин полковник! Полк рекрутов выгружен на причал и готовится к переходу в казармы ожидания! В наличии тысяча двести тридцать три человека! Больных и раненых нет!

– Благодарю, лейтенант.

Полковник внимательно осмотрел молчащий строй и, усмехнувшись, громко сказал:

– Рекруты! Завтра вы примете присягу армии и королю. Завтра вы станете одними из тех, кто принесет славу Замару! Наш король надеется на нас, и мы его не посрамим! Не правда ли, рекруты? Не слышу вас! Громче!

– Не посрамим... – тускло заревели несчастные рекруты, переминающиеся с ноги на ногу и единственно о чем думающие – не о том, как не посрамить, а о гораздо более приземленных, так сказать, делах. Тухлая вода действовала как хорошее слабительное, и многие парни держались за животы, пытаясь не насрамить в штаны и на причал.

Наконец речь полковника, любующегося собой и красующегося перед подчиненными, закончилась, он повелительно махнул белыми кожаными перчатками, зажатыми в руке, и лейтенант с сержантами снова завопили, подгоняя человеческое стадо в его загон.

* * *

Сенерад в нетерпении почти подпрыгивал на месте, глядя, как матросы на пристани привязывают суденышко к здоровенным деревянным столбам. Трап прогремел по борту, и, помогая себе щегольской палкой, лекарь быстро забрался на причал. Потом оглянулся назад и махнул двум стражникам в выцветшей форме:

– Давайте, поторапливаемся! Время дорого! Вечером нас ждут в агаре!

Те переглянулись, вздохнув, как люди, смилившиеся с нелегкой судьбой, полезли через борт. Меньше всего им хотелось шастать по захолустным деревенькам на краю света. А то, что это край света, можно было видеть не сходя с корабля – убогие домишки на косогоре, вытопанная земля, покрытая коровьими лепехами, глупые лица жителей деревни, встречающих корабль.

Ну как же – не всякий день появляется корабль стражи! Должно случиться что-то совсем уж из ряда вон выходящее, чтобы здесь появилась стража. Впрочем – разве оно и не случилось?

– Откуда вы узнали? – удивленно спросил Бранк, встретив стражников и лекаря на подъеме в горку.

– Что узнали? – неприятно удивился Сенерад, и его сердце заколотилось так, будто хотело вылететь из груди.

– Ну, про Неда? Вы же за ним приехали?

– За ним, – вытаращив глаза, ответил лекарь. – А ты откуда знаешь, что за ним?

– Вот что, – вмешался один из стражников, мужчина лет сорока пяти, выдавший виды и не собиравшийся стоять на солнцепеке дольше, чем это требовали уставы службы, – ведите нас туда, где живет этот самый Нед, там и поговорим.

Бранк кивнул головой и повел всю компанию к себе домой. Лекарь шел последним. Он был очень озадачен встречей и запрещал себе строить выводы, хотя в глубине души и понимал: случилось что-то непоправимое и связано это с Недом. Единственное, что он приговаривал про себя: «Хоть бы был жив! Хоть бы успеть!»

Большая горница была пуста, хотя из кухни, из-за угла, выглядывали любопытные глаза челяди Бранка. Он сделал знак рукой, и скоро на столе стоял кувшин холодного молока, прямо из погреба, душистые свежие лепешки и соль в потрескавшейся от времени темной глиняной солонке. Стражники с наслаждением сняли свои шлемы, с грохотом опустив их на скамью, уселись рядом на широкую доску скамейки и налили молока, на время забыв о цели приезда. Впрочем – совсем забыть им не дали.

– Так откуда вы узнали о Неде? – снова начал Бранк, глядя на отдувающегося лекаря, пристраивающегося рядом с солдатами.

– Да что узнали-то? – сплюнув прямо на пол горькую слюну, спросил лекарь. У него першило в горле, и Сенерад с прискорбием отметил, что скорее всего простыл на палубе суденышка.

– Ну что Нед убил десять человек?

– Че-го он сделал?! – Сенерад даже привстал с места, а стражник поперхнулся, закашлялся и облился молоком до самых штанов. Выругался и, взяв со стола тряпку, стал оттирать кольчугу.

– Рассказывай сначала, – сказал стражник, – все в подробностях. Вижу, вы тут весело живете в тихой деревеньке.

– Была тихая, – буркнул Бранк, – пока этот ублюдок... В общем, началось с того, что вдруг заболел мой раб. Он, – Бранк показал на Сенерада, – якобы его вылечил. Кстати, верни мои серебряники! Загибается Антур. Вон там, в комнате лежит. Кровавый понос – будто его кто-то ест изнутри. Я вообще хочу подать на тебя в суд! Мошенник!

– Ближе к делу! – буркнул стражник. – Потом по судам друг друга затаскаете. Что там про убийство?

– Ну так вот – вроде он его вылечил. Только вот на следующий день случилось еще странное происшествие. Трое парней и девка ушли на охоту в холмы и вернулись безумными. Ну совершенно! Идут, а изо рта текут слюни. Им скажут что-то сделать – есть, пить, – они едят и пьют. А не скажут – с голоду сдохнут.

– Живы? – перебил Сенерад.

– Живы, – скривился Бранк, – только теперь они еще хуже стали! Кричат, беснуются, головой бьются. Девка сорвала с себя всю одежду и голой выбежала на улицу – еле поймали. Кусалась, визжала...

– Допрашивать их пытались? Спрашивали, как все вышло? – осведомился другой стражник, доливая кружку молоком.

– А что толку допрашивать? Они же безумны! – хмыкнул Бранк. – Когда все это случилось, приходил к нам отец девчонки. Он тут староста... был.

– Был? – быстро переспросил лекарь.

– Был. Убил его Нед, – кивнул мужчина. – Ну так дайте досказать по порядку, а? Что вы все время перебиваете?

– Господин лекарь, помолчите, – сказал стражник. – А нам, уважаемый, положено задавать вопросы! Вы тут неплохо развлекаетесь, штабелями людей кладете! Скоро королю эдак не с кого налоги будет брать! Мы еще выясним, что тут у вас творится и кто должен за это ответить!

Бранк слегка стушевался и уже на полтона пониже, слегка заискивающим голосом продолжил:

– Ну так вот, я и рассказываю – пришел ко мне староста и говорит: «У тебя в последнее время ничего не происходило? Никто не болел?» Ну я и рассказал про раба. Он поспрашивал его – тогда еще раб был в порядке, вроде как здоров...

– Видишь – здоров! Слышали, господа?! А он мне тут пытается вешать претензии! Сам небось отравил его, а теперь и несет бред! – не выдержал Сенерад. И жестом показал – молчу, молчу!

– Поговорил он с рабом, потом при мне опросил челядь. Девчонка одна, рабыня, показала, что Нед, когда стало плохо Антуру, чего-то бубнил и делал какие-то движения. Будто кидал что-то. Староста ушел, а перед уходом сказал, что его дочь в бреду кричала: «Нед! Нед!» Вот он и пришел узнать – чего тут Нед.

– Узнал? – невозмутимо спросил стражник, впившись глазами в грубое лицо Бранка.

– Видать, узнал, – пожал плечами мужчина. – Через некоторое время гляжу – староста и его ребята идут в сторону холмов, туда, куда ушел Нед. Больше живыми их никто не видел. Как и Неда.

– Что, он мертв?! – вскочил Сенерад. – Его убили?!

– Он всех убил. И где теперь находится – неизвестно. Дальше рассказываю. Вечером – нет коров и нет, пропало стадо. Народ ждал, ждал, разошлись. Утром собрались на поиски. Тем более что и староста с ребятами пропали, и Нед пропал. Нашли. Все десять человек лежали мертвыми, изуродованными так, как будто свалились со скалы на камни. Сломанные руки, ноги, ребра, перебитые шеи и позвоночники. И кругом – следы Неда. И собаки. Хорошая, кстати, собака была. Была, да! Убили ее. Охотники восстановили всю картину. Получилось так: староста с ребятами пришел к Неду и стал с ним разговаривать. Что там случилось – неизвестно, только Нарда вступилась за Неда, стала их драть. Они ее и убили. А Нед разозлился и убил парней. Вот и все. Я всегда говорил, что эти арды безумны! А если бы он спятил раньше? Да он всех бы в доме поубивал! Меня в первую очередь!

– И ты говоришь, что парень в семнадцать лет поубивал десять взрослых мужиков? – недоверчиво спросил стражник. – Да вы что тут, с ума все походили?

– Он не просто пацан, – заметил другой стражник, – от него всего можно ожидать. Может, он вообще в демона какого-нибудь обернулся!

– Демона?! – привстал с места лекарь. – О боги! Какой я дурак... ах, дурак... концы сошлись. Все сошлось. Ах ты же...

– Нет никаких демонов! При чем тут демоны? – растерянно пояснил Бранк. – Там следы только Неда! Он сбежал, раздев одного из парней. Скорее всего, ушел в город и где-то там затерялся. Мы ночью за ним пошли – охотники и я. Но не успели к открытию ворот. А в городе уже не нашли. Возможно, он с рассветом нанялся на один из купеческих кораблей и уплыл из города. Шустрый парень оказался, никогда не думал, что он такой ловкий. На вид – настоящий дебил. Да и вел себя так, как будто он умственно отсталый. Его все считали полудурком. А вот видишь чего... Староста был, конечно, не прав – зачем убивать мою собаку? Но Нед за нее отомстил... я даже немного зауважал этого ардского скота, – неожиданно закончил Бранк.

– С его домочадцами разговаривали? Я имею в виду – старосты, конечно. Они что говорят?

– Его жена сказала, что староста пошел разбираться с Недом. Вроде как тот виноват в том, что случилось с их дочерью и тремя парнями. Парни собирались днем найти Неда и проучить. Все в деревне считают, что Нед их проклял. Вот. И раба моего проклял. Перед тем как рабу стало плохо, он харкнул в чашку Неду. Так все-таки – зачем вы сюда приехали? Сенерад, ты зачем ездил в город? Это ты стражу привез?

– Я, – потерянно ответил лекарь, – только теперь это не имеет ни малейшего значения. Раз Неда нет. Вот, читай! – Лекарь достал из сумки туго свернутый свиток и бросил его на стол. – Я за этим и ездил в город. А стража обеспечивает исполнение приказа.

Бранк развернул свиток, долго читал, шевеля губами, потом его глаза расширились от удивления, и он, слегка заикаясь, спросил:

– Что, в самом деле? Нед – черный маг?

– Чернее некуда, – угрюмо ответил лекарь. – Радуйся, что кровавым поносом не изошел. Все, кто его обижал, в ближайшее время должны были бы сильно за это поплатиться. Вот вам и мораль: не надо никого унижать, оскорблять, смешивать с грязью – вдруг завтра этот человек окажется черным магом, и твоя подлость вернется к тебе многократно усиленной и убьет тебя! Ты, и только ты, виноват в том, что случилось с Недом. И ваша гребаная деревня. Все, парни, делать тут нечего. Нет тут Неда. – Лекарь вздохнул и поднялся на ноги. – Пойду, соберу вещи. В город поеду. Там буду его искать.

– Стой! А что будет с моим рабом? – возмущенно вскричал Бранк. – Ему что делать?

– Помирать, конечно, – равнодушно ответил Сенерад, задерживаясь в дверях. – В нем сейчас демон сидит и выедаёт внутренности. Нечего было черному магу в чашку харкать.

– Так вылечи его! Ты же деньги взял за лечение! Аферист!

– Заткнись, сучонок! Ты довел Неда до убийства! Если бы не ваша деревня... иэ-х-х... – Лекарь махнул рукой и вышел наружу, потом вернулся, и добавил: – Вас всех можно засудить, придурков!

– И за что это? – воинственно спросил Бранк.

– За тупость! – усмехнулся Сенерад, повернулся и решительно зашагал к дому, в котором провел последние десять лет жизни. Ему было жаль, что так все закончилось, но одновременно в душе играли трубы – хватит! Пора возвращаться в город! Прочь из этой деревеньки с тупыми, бесчувственными жителями! Прочь от бранков и старост, прочь от этого захолустья, делающего из человека бесчувственную скотину, развлекающуюся лишь страданиями своего ближнего. Вечером он будет в городе, найдет себе приют – благо что заначка у него была, скопил за десять лет. Устроится – и займется поисками Неда. Не может быть, чтобы тот не оставил

никакого следа. Парень никогда не был в городе, так что должен был растеряться и наследить. Всегда есть какой-то след, всегда.

* * *

– Ногу, ногу держи! Да что за твари безмозглые?! Р-р-раз! Р-р-раз! Р-р-раз – два! Поворот! Твари! Когда слышите этот сигнал, надо поворачиваться через плечо, не прекращая шагать! Ноги чуть согнуты, копьё опущено и смотрит на врага! Ты чего его опустил, дебил проклятый? Куда у тебя конец копья смотрит? Это тебе что, твой конец?! Ты как колоть будешь, куда? В коровью лепеху?! У-у-у-у... дебилы! Каждый год рекруты все дебильнее и дебильнее! Скоро совсем идиоты будут вербоваться! Я бы вас к оружию близко не подпустил, того и гляди соседа наколете, как жука! Держи, держи шаг! Р-р-раз! Р-р-раз!

– Я его ненавижу, – простонал Ойдар, спотыкаясь и с трудом поднимая здоровенный шест, именуемый тут копьём, – у меня уже руки отваливаются от этой дряни!

– Держи, – усмехнулся Нед, – увидит Дранкон, он тебе горячих надаёт! Помнишь вчерашнего парня?

Ойдар кивнул с мученической гримасой и, покрепче сжав древко, принялся маршировать дальше, старательно направляя тупой наконечник копья в сторону «врага», сержанта Дранкона, которого, естественно, все именовали просто Дранконом. Вчера на плацу он высек нерадивого рекрута палкой – лично, да так, что у того брызгала кровь с разбитой спины. Пятнадцать ударов палкой – это вам не шутка. Парень был бестолковым и не соображал, куда и когда повернуть. А еще – осмелился пререкаться с командиром.

Теперь-то рекруты наконец осознали, куда попали. Как сказал Дранкон: «Здесь вам не дом родной! Вы все мясо! И к концу обучения я или сделаю из вас солдат, или вы сдохнете на скамье для наказаний, идиоты! Если вы думали, что пришли сюда, чтобы валяться на травке и получать золотые, – ошибаетесь! Каждый золотой будет умыт вашим потом и кровью, болваны! Зато те, кто выйдет живым и здоровым из ворот учебного лагеря, имеет шанс выжить, когда попадет на поле боя! Потом добрым словом вспомните старину Дранкона!»

«Я буду вспоминать его каждый раз, когда пойду в сортир – представлять, что делаю это ему на макушку!» – шепнул Ойдар своим приятелям, и те с минуту хихикали, кусая губы и кривясь, чтобы Дранкон не заметил их улыбки.

Прецеденты были – один парень, который улыбался в строю и попался на глаза Дранкону, получил пять палок и теперь стоял бледный и сосредоточенный, без улыбок и ужимок. Методы сержанта Дранкона были невероятно эффективны, а еще – очень, очень болезненны, это заметили все рекруты.

– Стой! Новобранцы! Сейчас мы все строим идем в столовую! Держать ногу! Покажите, что наша рота лучшая! А кто не покажет – я ему на голову вылью кипящую похлебку, не сомневайтесь, придурки! Па-а-а... шли! Р-р-раз! Р-р-раз! Р-р-раз-д-д-два!! Тянем ножку, ослоголодые, тянем! Ты чего там хромаешь, увалень проклятый? Ножку натер? А зад свой толстый не натер, жаба пупырчатая?! Ровно шагай, гадина, позор своей гребаной деревни! Р-р-раз! Р-р-раз!

– Интересно – почему его до сих пор не убили? – задыхаясь от жары и пыли, поднимаемой ногами сослуживцев, спросил Арнот. – Мне инвалид рассказывал, что бывали случаи, когда солдаты тихонько убивали особо злых командиров, как только попадали на поле боя!

– И что, не находили убийц? – с интересом спросил Ойдар, задумчиво поглядывая на коренастую фигуру Дранкона.

– Находили. Всегда, – с сожалением вздохнул Арнот и тоже проводил взглядом ненавистного сержанта, уже неделю истязавшего их так, как если бы он задался целью максимально отравить жизнь новобранцам.

– Вы чего там удумали? – слегка улыбнулся Нед, держа на плече такой же шест, как и у товарищей. – Пусть живет. Нам только проблем не хватало. А как, интересно, узнавали, кто его убил, офицера этого?

– И ты туда же? – хихикнул Арнот. – Магов вызывали. Поднимали труп и расспрашивали.

– Это как это поднимали? – споткнулся Нед и тут же выправился, осторожно косясь на Дранкона, похлопывающего по начищенному до блеска голенищу сапога деревянной тростью.

– Ну... некоторые черные маги владеют искусством некромантии. Могут вдохнуть в мертвое тело душу – на время, конечно. И трупы сами рассказы... Ай! Ай!

– Разговоры в строю, придурок! Держи строй, ослиная морда!

У Арнота из глаз потекли слезы боли – Дранкон врезал ему прямо по макушке. Парень вытянулся и зашагал, тупо глядя перед собой, и Дранкон удовлетворенно кивнул, оглядев перед этим соседей Арнота – мол, видели? И с вами такое же будет!

– Копья – в пирамиду! Быстро, быстро, скоты! Бегом! Места в столовой занимать без толкотни и суеты, но быстро! Кто устроит свалку – останется без обеда! Марш!

Новобранцы цепочкой подбегали к специальному стеллажу и составляли туда «оглобли», которые таскали в руках целыми днями.

Всю неделю сержант дрессировал пополнение, добиваясь того, чтобы солдаты четко держали строй, понимали сигналы трубача и без задержки выполняли команды. К концу недели новобранцы довольно четко двигались, понимая свое место в строю, а еще – узнали много нового о своем происхождении, сексуальных пристрастиях и умственных способностях. Сержант Дранкон был неистощим в сочинении красочных определений физического и умственного состояния солдат.

Новобранцам пришлось тяжело. Даже Неду, который привык к тяжелому труду и лишениям. Не так просто научиться не сбиваться с шага в тесном строю, да еще и держа в руках здоровенное копьё.

Копья были разного размера – третий ряд тащил трехметровые копьё, концы которых торчали дальше первого ряда, у второго ряда копьё были покороче, а впереди уже стояли солдаты с копьёми совсем короткими. Этим достигалось то, что, когда враг пойдет на строй копейщиков, перед собой увидит сплошной лес из наконечников. Взаимодействие с пращниками, лучниками и мечниками они пока не обрабатывали. Это будет дальше.

Плохо то, как сказал Арнот, что копейщики это самое настоящее мясо, которое гибнет в первые минуты боя. Они всегда стоят впереди и принимают на себя весь удар врага, поднимая супостатов на копьё. И отходят последними, прикрывая отступление основной группы.

– Бежим, не спи! – шепнул Ойдар и бросился следом за остальными в дверь столовой, хлопнув задумавшегося Неда по плечу. Тот очнулся от мыслей и тоже занырнул под длинный навес, где стояли вкопанные в землю столы с узкими скамьями с боков. Между рядами уже катились тележки, из которых солдаты-раздатчики наливали и насыпали еду в миски новобранцев. Все происходило довольно быстро, четко и отлаженно. А еще – еда была вполне приличной, а для неизбалованного Неда – очень вкусной. Мясо, разваренная в бульоне крупа, густая похлебка с куском лепешки – ешь сколько хочешь, но только в отведенное для обеда время. Не успел – остался голодным. Успел съесть и хочешь еще – хоть обожрись.

Армия не сэкономила на еде для солдат. Чем больше еды – тем больше можно списать на то, что сожрали солдаты. И получатся кругленькие суммы для командования. В общей массе продуктового потока легко украсть немножко от большого. А если бы сэкономили, порции были бы маленькими – от ноля ничего не украдешь. Кроме того – не будешь кормить это «мясо», они и до поля боя-то не доживут. Хороший хозяин кормит своих псов.

Отдельно на столах стояли овощи и фрукты – никому не нужны солдаты с шатающимися и выпадающими зубами, опухшие от цинги.

Через несколько минут в столовой слышался только стук деревянных ложек о деревянные же миски да чавканье, напоминающее хлюпанье сапог в болотной жиже. Большинство солдат не отличалось хорошими манерами. Ойдар всегда морщился, глядя, как сосед напротив перемальвает еду, раскрывая рот, как мусорная корзина. Он постоянно жаловался Неду и Арноту, что вид пережеванной пищи в глотке этого прыщавого увальня отбивает у него весь аппетит. Впрочем, это была неправда – аппетит этим парням не могло отбить ничего на свете: еда сметалась в мгновение ока, и скоро многие новобранцы подняли руку, требуя от подавальщиков добавки.

В обеденном перерыве, кроме еды, был еще один хороший пункт – после обеда будут воделенные два часа отдыха, когда солдаты могли подремать в тени, сходить в сортир, посушить портянки, пропитанные едким потом, и расстегнуть надоевший мундир, натирающий шею. После отдыха будут новые тренировки, до самых сумерек, но пока – эти два часа принадлежат солдатам.

– Ох, как я налопался! – Арнот плюхнулся на скамейку у забора и откинулся назад, блаженно прикрыв глаза. – Так здесь хорошо кормят... если бы еще не эта муштра и не Дранкон...

– Тихо ты! – шикнул кто-то из солдат, сидевших и лежащих рядом. – Вон он, прохаживается, как цепной пес! У-у-у... ненавижу! Так бы и загнал ему нож в спину!

– Не болтай чего не надо, – нахмурился солдат постарше с пышными висячими усами. – Донесут, узнаешь, как это – когда шкура на спине висит ключьями! Чего он тебе сдался? Ходи правильно да копьё держи как надо, и будет все нормально.

– Ой! – вздрогнул Арнот и оглянулся назад, туда, где за забором обычно занимались муштровкой старослужащие солдаты. – Чего это такое?

Щелк! Щелк! Твердые горошины прощелкали по скамье, а новобранцы вскочили со своих мест под дружный хохот солдат за забором – те высунули в щели трубочки, сделанные из тростника, и подвергли парней жестокому обстрелу.

– Что, не нравится, птенцы?! – захохотали солдаты за забором, продолжая расстреливать новобранцев, сидящих в карантине.

– Придурки! – взбесился Ойдар. – Сейчас я вам башки посворчиваю!

Он вскочил на скамейку, подпрыгнул, уцепившись руками за верхнюю перекладину, и с руганью отпустил, свалившись вниз – руки были разодраны в кровь. На высоченном заборе плюс ко всему имелись забитые мелкие гвозди – видимо, устроители военного лагеря прекрасно были осведомлены о пристрастиях солдат шастать там, где не надо. Все контакты с внешним миром у новобранцев были сведены до минимума.

– Иди к лекарю, – пожал плечами Арнот, – надо замазать раны мазью. Не замажешь – может начаться воспаление, и тебе отрежут руки. Будешь инвалидом. Зато пенсию получишь – целый золотой в месяц, и налоговые льготы.

– Тьфу на тебя! – яростно сплюнул Ойдар и под смех товарищей заторопился к белому зданию за плацем. Там сидел дежурный лекарь, обслуживающий полк.

После того как новобранцы прибыли на место своей службы, у него было полно работы, пришлось лечить кучу народа – от банальных поноса и чесотки до сломанных пальцев и треснувших челюстей. Несмотря на то что солдаты своими ногами вышли из трюма доставившего их корабля, процентов тридцать из них оказались больными в той или иной степени. Это были и болезни, полученные в гражданской жизни, и травмы, болезни, полученные во время хоть и недолгого, но неприятного путешествия. Работы у лекаря хватало.

– Эй, придурки! – послышался голос справа, и Нед, прилежший в тени забора рядом со скамейкой, приоткрыл глаза. Он плавал в полудреме, и ему только что приснилась Нарда, тыкающая его холодным носом в щеку, отчего у него в душе стало тепло и уютно. И тут какой-то дебил вырывает его из объятий сна.

– Говорят, тут у вас два бойца есть? – продолжал голос, безжалостно и окончательно вырывая Неда из объятий бога сна. – Предлагаем выставить ваших против наших!

Парень, высокий и жилистый, с насмешкой смотрел на группу, состоявшую из бойцов третьей роты копейщиков, в которой оказался Нед и его друзья. Рядом с парнем стояли человек десять таких же жилистых, крепких парней – их сразу отобрали в мечники, которых выбирали по непонятному Неду признаку – ну почему они вот попали в копейщики, а эти в мечники? Арнот предположил, что к мечникам брали более разумных на вид и тех, кого жальче сразу пускать на мясо, чем вызывал бурю негодования у самолюбивого Ойдара.

Нед только посмеялся его словам и предположил, что, возможно, и правда в мечники брали тех, кто выглядел более шустрым и умелым, чем остальные. Невидные, одетые по-деревенски и внешне слегка заторможенные Нед и его друзья никак не попадали под категорию шустрых и умелых. Так что в словах Арнота был свой резон.

Двигаться Неду не хотелось, так что со спокойной совестью он закрыл глаза, наплевав на предложения незнакомого парня. Он не видел его раньше – на корабле парня не было, этот парень прибыл с другой партией новобранцев годового призыва.

– А что в заклад? Что ставить будем? – лениво осведомился один из парней третьей роты.

– Как обычно – серебряный пул против серебряного пула, медяк против медяка. А если хотите поставить покруче – можно и золотишком потряхнуть! – усмехнулся парень. – А выигравший боец получит золотой! Скинемся ему, со всех по медяку – вот и золотой! Зато будет на что посмотреть, а, парни? Или обделались со страху? Я слышал, вы все в третьей роте тупые деревенщины, копейное мясо, но говорят, два бойца у вас есть. Так что, позабавимся?

– Сам ты тупой... мечное мясо! – лениво отбрехнулся усатый мужчина на скамье. – А один боец – вон он! Видишь, от лекаря идет? Только что порвал себе руки, хотел покарать шпану за забором. Ты знаешь, какой он злой? Ему дай волю, он всех вас пинками погонит! Он мастер уацу!

– Хренацу! – усмехнулся мечник. – Одно дело все эти пируэты и прыжки, а другое – реальный бой! У нас есть и призовые бойцы, те, кто на самом деле выступал на арене!

– И чего же твои призовые оказались тут? – зевнув, спросил мужчина. – Морду все время им били, что ли?

– А это не твоего ума дело, – рассердился мечник. – Так будете выставлять своих бойцов от роты или нет?

– Ты у них спроси... Ойдар, тут пришли, предлагают подраться, за деньги! Хочешь попробовать?

– Как? Этими руками, что ли? – Парень показал перевязанные матерчатыми лентами руки. – Мне мазью намазали, щиплет все, на хрен! Какой сейчас из меня боец?! Пусть Нед сходит. Эй, Нед! Нед! Ну хватит дрыхнуть! Ты погляди – спит как убитый! Нед, иди морды набей этим придуркам!

– Сами придурки! Эта деревенщина – боец? О боги! Один урод какой-то, другой деревенщина – пойду лучше к арбалетчикам схожу. С такими дебилами, как вы, о чем говорить?

– А какая ставка, ты говоришь? – открыл глаз Нед.

– Золотой, – остановился парень, – а проигравшему ничего. Впрочем – два медяка могу дать тебе, если простоишь пять ударов сердца!

– А если дольше?

– Если простоишь сто ударов сердца – получишь пять серебряных пулов!

– А если тысячу ударов сердца?

– Если простоишь больше тысячи ударов сердца или – чем демоны не шутят – победишь, мы всей ротой скинемся тебе по золотому, а еще проползем на коленях через весь плац! – захохотал парень. – Соглашайся! Только если проиграешь – вся твоя рота скидывается нам по золотому! И ползет через плац! Согласен?

– Я-то, может, и согласен, но вот рота... – с сомнением пожал плечами Нед, поднявшись с земли и посмотрев на сослуживцев. – А если они не согласятся? И еще – а как на это посмотрят командиры? Дранкон нас со свету сживет, если мы устроим драку.

– Перестань! Видно, что вы новички! Командование поощряет соревнования между ротами, считается, что это поддерживает боевой дух и укрепляет товарищескую поддержку. Наш сержант в курсе и разрешил.

– А правила каковы? – осведомился Ойдар, возбужденно блестя глазами. – Есть какие-то правила?

– Одно – по возможности не убивать. Но если случится что-то такое – никто преследовать не будет. Часть новобранцев всегда умирает на тренировках, это нормально. Ну так что, готовы?

– погоди ты, надо спросить у Дранкона, надо поговорить с товарищами – все-таки целый золотой, это тебе не медяк! Подойди чуть позже, мы пока посоветуемся, да, парни?

– Да, надо посоветоваться! – услышались голоса из-за спины. Нед оглянулся и увидел, что вокруг собралась толпа – вся рота, без исключения, ловила разговор парней. Подтянулись люди из других рот – второй копейной, первой мечной, две роты арбалетчиков – собралась уже целая толпа.

– Парни, вы чего, обделались от страха, что ли? – крикнул кто-то из толпы, и другой голос подхватил: – Эти копейщики – просто засранцы! Наберут деревенщину! Мечники всех сильнее! Мечники! Арбалетчики! Самые сильные арбалетчики! Мечники! Арбалетчики! Мечники! Арбалетчики!

Поднялся шум – все вопили, смеялись; Дранкону, крикнувшему: «Молчать!» – с трудом удалось перекрыть нестройный хор голосов. Он протолкался в круг, образованный толпой людей, и хмуро спросил, дождавшись, когда вопли утихнут:

– Что тут происходит? Кто нарушает порядок?

– Господин сержант! Мы из первой мечной роты, предлагаем третьей копейной выставить призового бойца. Если мы проиграем – вся рота скидывается по золотому, и ползет на четвереньках через плац, крича: «Третья рота копейщиков самая крутая!» А если проиграют – то они отдадут по золотому и ползут через плац, крича: «Первая рота мечников самая крутая!» Как вы, разрешаете? В наше личное время, без ущерба для службы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.